ГИ200
П488 р

Ян Пече

в боях за октябрь

ян пече

ГИ200
П 488 р

В боях за Октябрь

(Воспоминания об Октябрьской революции в Москве)

огиз—молодая гвардия—1933

2 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГИ 200 р
П 488

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА МАРКСИЗМА - ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС
793188

В своих воспоминаниях я не ставил перед собой задачу дать развернутое освещение октябрьского переворота в Москве и всей тактики нашей большевистской партии в этот период. Моя задача состояла в том, чтобы изложить **самые факты** этих величайших событий, свидетелем и активным участником которых мне пришлось быть.

Моя задача состояла также и в том, чтобы показать этими фактами, что победа рабочего класса в 1917 г. была обеспечена только благодаря ленинской линии нашей партии, последовательно боровшейся на два фронта, против всяких оппортунистических извращений, та линия, которую до сих пор продолжает победоносно осуществлять наша партия, возглавляемая лучшим учеником Владимира Ильича Ленина — т. Сталиным.

Бесспорно, в моих воспоминаниях могут быть отдельные неточности и упущения некоторых моментов и эпизодов этих великих событий.

Всем товарищам, указавшим мне на эти недостатки моих воспоминаний, буду благодарен.

Я. Пече

2316 885 1839 339 23

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд
СФ 47569

I

На подступах к Октябрю

1. В ссылке

Октябрьская революция — это результат и победоносное завершение систематической борьбы большевиков до революции 1905 г., самой революции 1905 г. и всего периода с 1905 по 1917 гг.

Свирепая реакция часто расстраивала ряды нашей партии, засылая многих партийных работников в каторгу и ссылку. Но большевики и в ссылке, на каторге и в эмиграции всегда организационно связывались друг с другом, переписывались, регулярно собирались, проводили всевозможные совещания, конференции. Нередко наша ссылка превращалась в школу подготовки боевых кадров революции.

Нарымская ссылка, где я тогда был, превратилась в такую своего рода революционную школу. Так, 1915—1916 гг. проходили за усердными занятиями по 15-16 часов в сутки, в политических дискуссиях по вопросу о захвате власти, тактике партии и т. д. Этими политическими дискуссиями руководил т. Ленин, находясь с нами в непрерывной переписке.

Часть большевиков уже в начале 1916 г. решила бежать из Нарымской ссылки в Москву, Петербург и другие города, чтобы непосредственно встать у руководства революционным движением и наладить работу в партийных организациях.

2. Москва в февральские дни

Перед Февральской революцией я попал в Москву. Даже в таком большом столичном центре, как Москва, парторганизация была ослаблена, и члены Московского комитета партии, за исключением двух-трех товарищей, в большинстве сидели в тюрьмах и были оторваны от непосредственного руководства рабочими мас-

сами. Чрезвычайная пестрота политических течений наблюдалась в то время в Москве.

Между Москвой 1914 г. и Москвой 1916—1917 гг. чувствовалась большая разница. В 1914 г. более сонливая, спокойная столица по сравнению с Петроградом, в 1917 г. Москва резко изменила свое лицо. В Москву и Московскую область было эвакуировано большинство крупнейших заводов Прибалтики и Польши с кадрами высококвалифицированных рабочих, с их боевым опытом и традициями. Эвакуированные с окраин заводы, с тысячами революционно настроенных рабочих, рост политической активности самих московских рабочих — все это делало город неузнаваемым.

В Февральскую революцию мне лично пришлось участвовать в первом массовом митинге около думы, где выступал тогда т. Ногин. Оттуда организованно мы пошли в Покровские казармы, призывая присоединиться к нам солдат.

После этого двинулись громить полицейские участки, арестовывать приставов, жандармов, обезоруживать их и везти оружие на заводы.

В первый же день мы столкнулись с меньшевиками и эсерами, требовавшими, чтобы оружие, захваченное из полицейских и жандармских участков, отправлялось в думу. Меньшевики и эсеры нам заявили: «Если вы оружие развезете по заводам, мы вас арестуем».

С большим трудом, но все же часть оружия нам удалось спрятать от меньшевиков по заводам. Так с рождением революции родилась и контрреволюция. После февральского переворота в Московском и районных советах оказалось засилие меньшевиков и эсеров. Большевиков было немного. Так, например, в Замоскворецкий районный совет от большевиков были избраны только два человека: т. Крымов — член президиума совета, и я — секретарь совета. Остальные были меньшевики, эсеры, анархисты, народники и даже кадеты.

Потребовалось много сил и энергии, чтобы восстановить нашу партийную организацию, лучше связать друг с другом отдельные кружки по заводам и обеспечить одиное руководство.

Февральская революция, несмотря на многие трудности и террор Временного правительства, дала возможность партии выйти из подполья, создать крепкую организацию, и мы могли открыто выступать с большевистскими, ленинскими лозунгами в борьбе за массы.

3. В Московском комитете партии

Когда собрался Московский комитет большевиков в марте 1917 г., на первых же его заседаниях была выявлена группа организаторов вооруженного восстания 1905 г. Членам Московского комитета — Штернбергу, Петрову, Маленкову, Верземнек, Варенновой, мне и др. — Московский комитет и Областное бюро ЦК пар-

тии поручили организовать и взять на учет революционные силы. Частично эту работу мы уже провели до этого в подполье и в Февральскую революцию. Эта группа в дальнейшем и возглавила московскую Красную гвардию.

На местах по заводам рабочие во главе с большевистскими дружинниками 1905 г., имевшие некоторое количество вооружения, отобранного у жандармов и полиции, оформляли уже свои боевые кружки. Таким образом была создана еще организационно не окрепшая партийная боевая организация, главным образом из рабочих, которые работали на заводах на оборону. Затягивалось оформление военной организации при Московском комитете. Оформить ее было поручено Московским комитетом довольно поздно, в конце апреля или в начале мая, тт. Дзержинскому, Обуху и, кажется, Варенцовой. Они должны были связать ее организационно с Красной гвардией и боевыми дружинами. Через некоторое время военное бюро Московским комитетом было создано, и возглавили его тт. Ярославский и Варенцова.

Военная организация на местах существовала еще в подполье до Февральской революции и оказала большое влияние на ход Февральской революции. Но у некоторых товарищей была тенденция иметь общую военную организацию всех социалистических партий, без выделения большевиков в самостоятельную организацию.

Эта явно оппортунистическая точка зрения организованного оформления военных сил партии задерживала развитие военной работы и выявляла пережитки общереволюционного народничества, смазывая большевистскую классовую установку.

В нашей работе и борьбе за оформление и создание большевистской боевой силы — Красной гвардии, особенно в военных организациях, меньшевики и эсеры ставили палки в колеса, разрушали эту работу. Им помогали оппортунистически настроенные большевики, которые тогда сидели в президиуме Московского совета.

Несмотря на то, что Февральская революция дала некоторые свободы для легального существования партии, эти свободы постепенно начали отбираться. Временное правительство стало арестовывать большевиков, натравливать на нас черносотенцев. Нам необходимо было поставить нашу военную организацию на полулегальное и даже на нелегальное положение. Нелегальная военная работа в Московском комитете проходила под непосредственным руководством военного бюро МК и штаба Красной гвардии. Были положены в основу довольно ясные и определенные организационные формы, которые существенно отличались от организационных форм, проводившихся исполнительным комитетом Московского совета. Этих форм партийной военной работы не хотели знать некоторые члены фракции большевиков Моссовета, которые, увлекаясь легальной работой в советах, в районных и городской думах, подчас организационно и идеологически сращивались с мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров, забывая большевист-

скую революционную установку и лозунги. В московской партийной организации неоднократно поднимался вопрос о перевыборах Моссовета, но это мероприятие срывалось меньшевиками и эсерами. Лидер меньшевиков Изув говорил: «Мы, социалистическая партия, в исполкоме Московского совета представляем уже советскую власть, и перевыборы Московского совета не нужны и нежелательны».

Группа оппортунистически настроенных большевиков стояла на той же точке зрения, что конечно облегчало предательскую работу меньшевиков и эсеров.

Перевыборы Московского совета бесконечно откладывались.

II

Июльские дни в Москве

I. Боевая демонстрация

Июльская боевая демонстрация московских рабочих явилась результатом упорной политической и организационной работы большевиков в связи с обсуждением в партийной организации апрельских тезисов т. Ленина о вооруженном восстании.

Московская июльская демонстрация рабочих и бывших боевиков-дружинников, участников вооруженного восстания 1905 г., прошла под руководством большевиков.

Наши революционные лозунги привели в бешенство меньшевиков и эсеров, народных социалистов, кадетов и всю контрреволюцию, которые употребляли все свои силы на то, чтобы сорвать эту демонстрацию.

Петербургский расстрел июльской демонстрации не запугал нас. Мы шли сомкнутыми рядами, мощными колоннами. Организаторов Красной гвардии расставили в головные части колонн, руководителей десятков — по бокам.

Партийный комитет и вся московская Красная гвардия были не только организаторами демонстрации, но и боевыми руководителями, по-военному выражаясь, командирами, начальниками всего шествия.

После петербургского расстрела нам выйти на демонстрацию было далеко не безопасно, тем более что противник был вооружен с ног до головы.

Итти на демонстрацию вооруженным тоже представляло довольно значительную опасность.

Мы выбрали середину. Вооружили главным образом партийные ячейки, Красную гвардию и проверенных дисциплинированных беспартийных рабочих.

Все эти товарищи были скрытно вооружены, строго разбиты на десятки.

Наша полувооруженная демонстрация не имела никаких стремлений создать вооруженное столкновение.

Наша цель — провести боевую демонстрацию, показать нашу организованность и готовность к борьбе за свержение Временного правительства

Штабом Красной гвардии был отдан секретный приказ по частям Красной гвардии, запрещающей применять оружие, несмотря ни на какие провокации противника. Это провести нам было чрезвычайно трудно, так как офицеры, юнкера, милиция, вся московская буржуазия, в несколько раз превышающая наши силы, пытались разгромить демонстрацию. Это ставило нас в чрезвычайно тяжелое положение. Пришлось отбиваться кулаками, сломанными палками наших знамен, а в исключительных случаях даже рукоятками револьверов. Меньшевики и эсеры дружно шли в ногу с монархическим офицерством.

Трудности осложнялись еще поведением некоторых оппортунистически настроенных членов Московского комитета.

Когда мы подошли к Московскому совету, выбежали навстречу демонстрации три члена Московского комитета, остановили нас и заявили: «Что вы делаете? Разве вам неизвестно, что демонстрация отменена?» Они потребовали от нас роспуска демонстрации. Зная, что это постановление исходит от оппортунистического меньшинства Московского комитета и что большинство МК, а также районные комитеты партии за проведение демонстрации, мы ответили отказом и двинулись дальше.

После демонстрации оппортунисты даже ставили в Московском комитете вопрос о снятии руководителей Красной гвардии и секретаря МК т. Землячки за организацию и проведение демонстрации.

Демонстрация была проведена с большим успехом. Особенно эти успехи были значительны в политическом смысле, так как еще более сплотили вокруг большевистской партии революционных рабочих и солдатские массы.

Меньшевикам и эсерам рабочие на собраниях не давали говорить, стаскивали с бочек, с трибуны и избивали их как изменников и предателей.

С этого момента усилилась в массовом масштабе организация боевых сил партии.

2. Борьба большевиков за организацию вооруженных сил

Штаб Красной гвардии, сливая свою работу с военным бюро Московского комитета, организовал подпольную смычку красногвардейцев с военными частями, шедшими за большевиками, и начал обучение красногвардейцев военно-полевому делу.

Из отдельных небольших инструкторских собраний вырастала широкая сеть обучающихся военному делу. Постепенно от нелегального положения, по мере развития массового подпольного обучения, мы стали переходить к легальному обучению. В Со-

Группа красногвардейцев перед октябрьскими боями

кольническом районе, против завода ремонтных и снарядных мастерских, на площади обучались красногвардейцы военному делу, под руководством тт. Андреева и Кох — токарей этого завода.

Красная гвардия, постепенно заручаясь симпатиями солдат старой армии и переходя к организационным связям с ними, стала действовать более решительно против Временного правительства.

Военное обучение красногвардейцев привлекло многих солдат. Они охотно шли к рабочим, давали советы, вносили ряд поправок, когда обучение Красной гвардии проводилось не совсем правильно.

По мере расширения работы Красной гвардии Московский комитет и московская партийная организация могли уже вести более решительную политику, опираясь на вооруженную силу Красной гвардии.

Борьба большевистской партии с Временным правительством, с меньшевиками и эсерами все больше обострялась, а в это время оппортунистическая группа большевиков из Московского совета пыталась создать объединенный штаб Красной гвардии с привлечением в него представителей от всех социал-соглашательских партий.

Дошло до того, что часть членов исполкома Московского совета

неоднократно нам угрожала, что мы будем арестованы, **если будем организовывать только свою партийную Красную гвардию.**

Меньшевики и эсеры в исполкоме Московского совета с пеной у рта вели шкурную агитацию против вооружения Красной гвардии. «Корниловское восстание миновало, — заявляли они, — мы переходим в полосу мирного времени».

Всоруженно-боевая подготовка, вооружение с учетом всех наших боевых сил по Москве и по Московской области шло вперед. Мы имели связь с рядом арсеналов, пороховых заводов, патронных заводов, заводов по начинке и изготовлению ручных гранат, военно-промышленных заводов и др. На секретном военном совещании, суммируя эти данные, мы нашли, что мы можем в ближайшее время из многих готовых частей составить и начинить ручные гранаты, которые мы получали небольшими партиями через военную организацию.

Я привлек члена центрального штаба Красной гвардии т. Гопиуса, инженера-химика с очень большой квалификацией, для руководства изготовлением ручных гранат.

При штабе Красной гвардии мы создали техническое бюро.

Местом работы по изготовлению ручных гранат был Замоскворецкий район.

Были собраны разные технические и вспомогательные части для изготовления ручных гранат, больше трех тысяч штук. Отливку этих гранат организовали тт. Стрелков и Козлов на заводе Михельсон (теперь завод им. Ильича), а начинку — т. Гопиус, изобретение которого позже было применено в Красной армии.

В Замоскворечье, в Даниловском подрайоне, в сторону Воробьевых гор, в гористых местах, в ямах мы производили свои опыты.

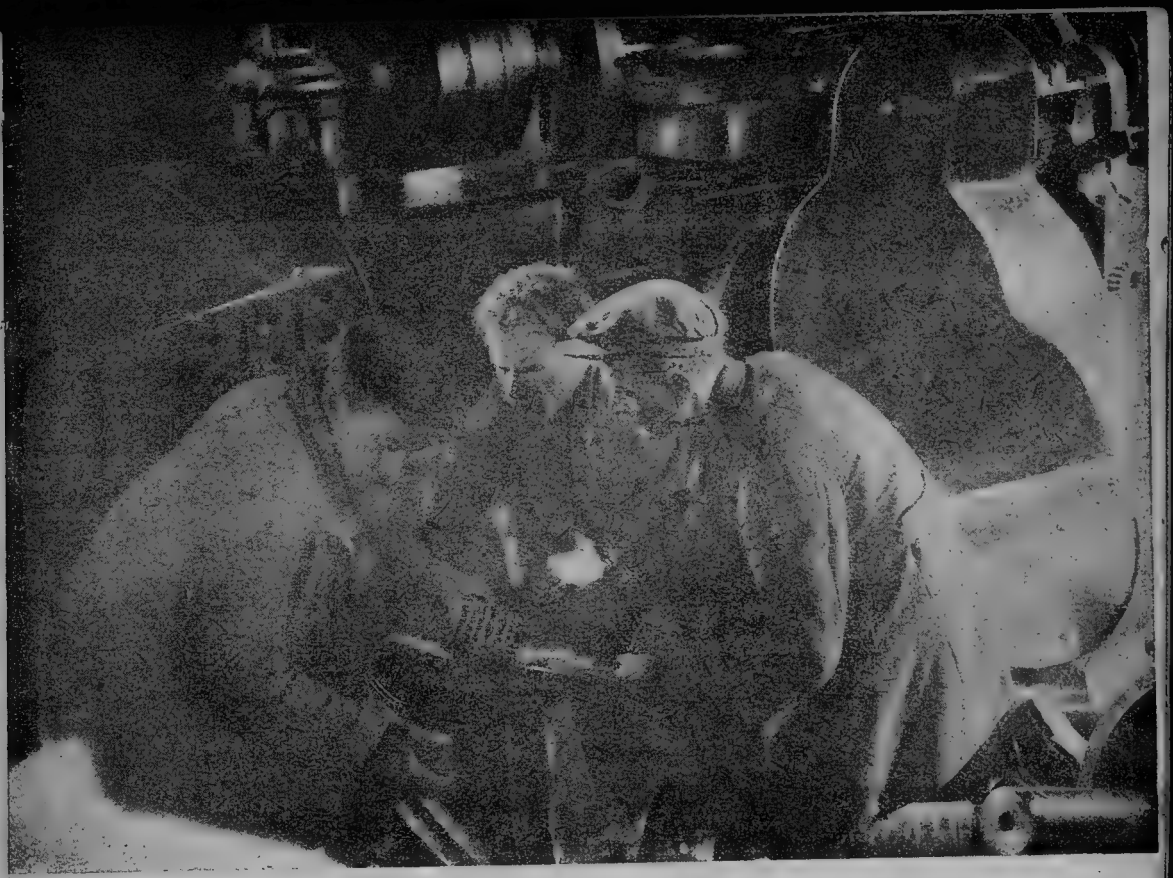
Убедившись, что гранаты хороши, мы стали их изготовлять в массовом количестве.

Теперь остановка была за винтовками и патронами.

Надо было во что бы то ни стало, несмотря на все трудности, овладеть тульским арсеналом.

Когда началась Октябрьская революция и даже до Октябрьской революции, т. Бундурин, представитель Тульского завода, которого Московское областное бюро послало в Тулу для подготовки вооруженного восстания, нелегально мог отпустить нам довольно значительное количество патронов и револьверов. В начале октябрьских боев от нелегального получения оружия мы перешли к легальному.

По разработанному плану т. Каминский, выступая на площади против меньшевиков и эсеров за вооружение революционных рабочих, должен был отвлечь внимание меньшевиков, эсеров, кадетов на митинге, а в это время наши партийные ячейки, имевшие влияние на солдат, охранявших арсеналы, распропагандировали солдат, стали по обеим сторонам шеренгами и с рук на руки передавали винтовки, револьверы, пулеметы для погрузки на грузовики, на которых приехала московская Красная гвардия за оружием для восставшей Москвы.



Красногвардейцы за изготовлением ручных гранат

В наш план вооруженного восстания входил также и захват автомобильного транспорта.

Выведенная мною 17-я автомобильная рота и т. Блохиным 2-я автомобильная рота превратили свои грузовики в боевые автомашины.

Центральный штаб Красной гвардии направил своих красногвардейцев на грузовиках в Тулу, с тем чтобы связаться с революционными частями и революционными рабочими Тулы.

Так уже в первые дни боя московского Октября у нас впервые появилось несколько тысяч наганов, патронов, пулеметов и пулеметных лент.

Когда мы получали пулеметные ленты с Тульского завода, мы упустили из виду, что у нас отсутствуют набивные машины, чтобы набить пулеметные ленты патронами.

Какой-нибудь десяток пулеметных лент с тремя или четырьмя пулеметами был в нашем распоряжении в боевой готовности.

Пулеметные ленты пришлось набивать вручную. Это ужасно долгая и канительная работа, даже еще с риском, так как набитая вручную пулеметная лента часто застревала в пулемете.

Группа участников октябрьского переворота в Москве (Сокольнический район)

Но скоро привезли набивные машинки, привезли ленты, и дело пошло значительно лучше. Но все же оружия было еще недостаточно, и по заданию организации я выехал на Тульский оружейный завод, собрал президиум Тульского комитета партии, вкратце информировал о наших ближайших задачах, о необходимости от слов перейти к делу.

Мною была потребована информация о том, какое количество оружия с тульских оружейных заводов может быть передано для революционных рабочих и солдат Москвы.

С большими трудностями нам удалось в конце концов, при огромном сопротивлении меньшевиков и эсеров, получить для вооружения Красной гвардии оружие.

Лучше обстояло дело в Симоновском арсенале, в Москве. Там наша большевистская организация была сильнее, и проникновение туда нам было более доступно, чем в Тульский арсенал.

Арсенал в Мызе Раевой — один из наиболее крупнейших арсеналов, и там мы имели достаточно сильное влияние через нашу партийную ячейку, которую тогда возглавлял т. Стефашкин. Эту ячейку мы довольно часто обслуживали, проводили кружковые занятия и т. д. Мызо-раевский арсенал нам был очень нужен как крупнейший арсенал орудийных снарядов. Вопрос вооруженного восстания зависел от нашей организованности, от уменья быстро захватить военный транспорт, бросить его на Мызо-раевский и Симоновский арсеналы и вывезти оттуда снаряды, с тем чтобы мы могли имевшуюся в нашем распоряжении разного калибра артиллерию привести в действие.

Эту работу мы, члены Московского комитета, руководившие работой Красной гвардии, выполнили. Красная гвардия оружие получила.

III

Накануне Октября

I. Политические течения и выборы военно-революционного комитета

В Московском комитете большевиков также были отдельные товарищи, которые вначале примиренчески относились к борьбе против Временного правительства. Дело подготовки к вооруженному захвату власти встречало препятствия со стороны некоторых колеблющихся большевиков.

Во время июльской демонстрации колеблющаяся, меньшая часть МК плелась в хвосте событий, объединившись с той частью оппортунистически настроенных большевиков, которая работала во фракции Московского совета. Под напором всей партийной и рабочей массы колеблющиеся товарищи более энергично стали проводить кампанию за создание Красной гвардии.

Однако накануне октябрьского восстания в Московском и Областном комитетах нашей партии, когда **большинство безоговорочно высказалось за немедленный захват власти,** меньшинство правых членов нашей фракции исполкома Моссовета колебалось и настаивало на коалиции с социалистическими партиями. Это создавало ряд затруднений в тот момент, когда требовалось решительным выступлением повлиять прежде всего на настроение солдат московского гарнизона. На ряду с революционными частями там были недостаточно распропагандированные, малосознательные солдаты из крестьян, на которых агитация офицерства и обывателей, укрывавшихся в тыловых частях, оказывала свое воздействие. Решительное выступление было тем более необходимо, что в Московском совете **солдатских депутатов** преобладали эсеры и меньшевики, и пленум его накануне октябрьских боев высказался против организации Красной гвардии, считая, что «Красная гвардия не только вредна, но и опасна».

Московским губернским советом крестьянских депутатов руководили также эсеры. Его исполнительный комитет на своем экстренном заседании 26 октября вынес резолюцию против передачи всей власти советам, считая это «гибельным для родины и революции».

Не совсем ясно представляли себе свою роль в момент боевых выступлений и некоторые из наших товарищей-пропагандистов, принимавших до того активное участие в агитационной работе среди военных и красногвардейских частей. Некоторые из них считали, что на их обязанности лежит **только агитация** за революционные выступления, непосредственная же боевая работа — дело боевиков.

Так было в 1905 г. в Москве, когда боевые руководители работали только в своих боевых дружинах и не всегда были связаны с партийной работой.

Но совершенно иначе подходили к этому вопросу руководители партии и Красной гвардии в 1917 г.

В связи с изменившейся обстановкой они считали, что каждый активный член партии должен быть в одно и то же время пропагандистом, организатором и боевиком, и свою точку зрения они отстаивали в районах Москвы и на заводах при организации Красной гвардии.

Тов Ленин и т. Сталин неоднократно отмечали медлительность, халатность и недопустимую неповоротливость в вопросе о захвате власти. Так т. Ленин в октябре 1917 г. на заседании ЦК от 10 октября говорил: «Замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо. если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти советами» [1]. А здесь, в Москве, все еще существовали коалиционно настроенные товарищи, более чем равнодушные к вопросу о восстании Ими недооценивались задачи организации вооруженных сил революции, смазывался вопрос о плане вооруженного восстания, или предлагалась его бюрократическая регламентация, высказывалась даже мысль об упразднении Центрального штаба Красной гвардии.

Так, например, перед самым октябрьским переворотом т. Илья (Цивцивадзе) на заседании МК от 22 октября по поводу связи районов с МК и руководства вооруженным восстанием предлагал следующее:

> «Для того чтобы иметь полную картину работы в районах, обязательно нужно вести ежедневную ведомость (канцеляршина и бюрократизм во время боев — Я. П.) Еженедельно же нужно делать сводку ежедневных ведомостей и доставлять в секретариат. Таким образом и будет учитываться связь между МК и районами» [2].

Вот какую тактику вели наши «коалиционеры» в вопросе о практическом руководстве боевыми действиями.

На том же заседании от 22 октября предлагается в речи того же т Ильи упразднить Центральный штаб Красной гвардии, перебросить его в районы.

---

[1] «Пролетарская революция» № 10, 1922 г., стр. 462.
[2] Музей революции, д. 18/12.

«Военная комиссия и комиссия по работе в Красной гвардии при МК лишние, в виду того что в каждом районе такие комиссии уже имеются» [1].

Предложение упразднить руководящий орган вооруженного восстания, мотивируемое тем, что в каждом районе имеется штаб Красной гвардии, несомненно, показывает **ликвидаторскую точку зрения,** царившую тогда у некоторых товарищей из МК. На том же заседании МК, в результате нажима ленинского большинства, штаб не упраздняется, но переизбирается, и оттуда выбывают товарищи, работавшие в Центральном штабе с начала организации Красной гвардии, например, тт. Штернберг, Петров, Зимин и некоторые другие. В Центральный штаб [2] вводится ряд работников военной организации МК.

Таким образом перед самым восстанием создается боевой орган (Комиссия по Красной гвардии) в следующем составе: Слесарев, Ростовщиков, Ярославский, Пече, Демидов, Павлычев, Стефашкин, Васильев, Маленков, Берзин и Орещенко.

Если на заседании МК от 22 октября «коалиционерами» предлагалось упразднить Центральный штаб Красной гвардии и организовать бумажную связь с районами, то на заседании МК от 25 октября в речи того же т. Ильи Цивцивадзе проводится еще более определенная правооппортунистическая линия. Он говорит в этой речи:

«Нужно предположить, что Рябцев и меньшевики пойдут с нами (?!), но если этого не будет, наш орган окажется висящим в воздухе, будет ужасная борьба в солдатской среде. В первую голову нужно поставить **перевыборы** (здесь и ниже подчеркнуто мною. — Я. П.). Пока у нас не обеспечено **большинство** с ССД, мы не гарантированы от того, что наша пятерка будет бездеятельна» [3].

Эту тактику оппортунисты пытаются проводить и по линии районных дум. Начиная с середины октября 1917 г., когда, по постановлению ЦК нашей партии, актив московской организации приводился в боевую готовность и когда каждый и особенно старые большевики были крайне необходимы, чтобы стать во главе боевого руководства восстанием, проводятся бестолковые собрания гласных районных дум и убивается время на бесполезные и бесцельные споры с кадетами, мньшевиками и эсерами

Так, в момент восстания, когда на Красной площади и в Замоскворечье происходят боевые столкновения революционных солдат и Красной гвардии с юнкерами и белогвардейцами, когда белые окружают Кремль и отрезают пути получения оружия из кремлевского арсенала, на Сухаревской площади в Народном доме про-

[1] Музей революции, д. № 19/12.
[2] Центральный штаб Красной гвардии в протоколах МК именуется «Комиссией по Красной гвардии». — Я. П.
[3] Музей революции, д. № 18/12.

Группа активистов — участников октябрьского переворота (Замоскворецкий район)

293188
Со 47562

исходит собрание всех 17 районных дум города Москвы, где присутствует более 200 большевиков — гласных районных дум, так необходимых в момент восстания на местах. Это собрание было созвано, как гласило опубликованное объявление в «Известиях Моск. сов. деп.», **«в связи с переживаемым** моментом»[1].

В чем же выразилась деятельность этого собрания районных дум в момент восстания? Не больше и не меньше, как в предложении пустой резолюции о «выражении полного доверия Московскому военно-революционному комитету», за которую конечно кадеты[2], меньшевики и эсеры не голосовали, а ушли, заявив, что они с нами рассчитаются на баррикадах. Кроме того такая резолюция самих большевиков была ненужной и ничего практического не давала, тем более, что многие из большевиков-гласных на это собрание не попали, а занимались на местах практической работой по организации боевых сил и руководству восстанием.

---

[1] «Пролетарская революция» № 10, 1922 г., стр. 192—193.

[2] На собрании активно участвовал, между прочим, кадет князь Шаховской, который вел себя самым вызывающим образом.

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Баррикады на Б. Дмитровке

Интересную и правильную характеристику «работ» этого собрания районных дум там же, на собрании, дал М. Ф. Владимирский. Тов. Шлихтер, которому пришлось председательствовать на том же собрании, в своих очень интересных воспоминаниях рассказывает об этом следующим образом:

> «Вдруг на эстраду вбегает бледный и задыхающийся от волнения М. Ф. Владимирский и просит слова для внеочередного заявления. Получив слово, Владимирский говорит:
>
> — Вы тут занимаетесь разговорами, а на Театральной площади уже льется кровь. Командующий войсками Рябцев предъявил военно-революционному комитету требование распустить себя в течение 15 минут. Комитет выполнить это требование отказался, площадь уже обстреливается контрреволюционными частями. Комитет предлагает прекратить разговоры и всем с.-д. интернационалистам (большевикам) немедленно отправиться на места и быть готовым к событиям».

Это, хотя и с некоторым опозданием (еще 16 октября об этом было постановление ЦК), было единственно правильное, что могли и должны были делать наши товарищи, гласные городских дум.

На деле такая погоня за резолюциями, за бескровным взятием власти путем голосований и соглашательства привела вначале к некоторому замешательству и путанице в руководстве восстанием.

Отдельные моменты этого замешательства освещены в упомянутых уже воспоминаниях т. Шлихтера.

Вот как т. Шлихтер описывает свои приключения в поисках практической боевой работы после закрытия пресловутого собрания районных дум от 27 октября.

«Звоню в Басманный совет, звоню много раз. Тщетно. Телефон-то звонит, но никто не подходит. Тогда начинаю звонить в Московский совет.

После новых нескольких неудач телефон наконец откликается:

— Алло.

Я узнаю по голосу т. Ногина.

— Товарищ Ногин?

— Да. Кто спрашивает?

— Шлихтер. Товарищ Ногин, — обращаюсь я, — не можете ли сказать, куда бы мне лучше всего сейчас пойти для получения какой-либо конкретной работы? Басманный район, куда я имел намерение отправиться, не откликается.

— Никуда не надо сейчас ходить, — отвечает мне неожиданно т. Ногин тоном, как мне показалось, не то печали, не то безнадежности и вешает трубку.

Звоню в Московский партийный комитет, который помещался на Советской (тогда на Скобелевской) площади, в бывшей гостинице «Дрезден». Откликается чей-то незнакомый женский голос. Я называю себя и прошу сказать, где я могу узнать о распределении товарищей для работы в данный момент и, в частности, куда лично мне сейчас надо отправиться.

Мне отвечают, что никакого заранее составленного распределения нет, что есть много товарищей, которые сами отправляются отсюда по разным местам».

Таково было настроение в начале восстания среди верхушки «коалиционеров» и буферствующих из большевиков.

Итак, массы и партия во главе их — за решительный отпор контрреволюции во время июльских и корниловских дней. Партия и рабочий класс вместе с революционной армией — за вооруженную борьбу против Временного правительства, а отдельные члены МК, фракции Моссовета и городской думы доверяют меньшевикам и эсерам и стараются проголосовать вопрос в районных думах в начале боев, таким путем добиваясь «санкции» вооруженного восстания!

Между тем т. Ленин в своем письме, написанном в дни демократического совещания, еще в сентябре 1917 г., писал:

> «Большевики должны взять власть». «...Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция **этого** не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания демократического совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь.
>
> Нет аппарата? Аппарат есть: совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, **накануне** сепаратного мира англичан с немцами, **за нас.** Именно теперь предложить мир народам — значит **победить.**
>
> Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет, может быть, даже Москва может начать), мы победим **«безусловно и несомненно»** (Ленин, собр. соч., т. XIX, ч. 2-я, стр. 135).

В середине октября т. Лениным было послано МК известное письмо о немедленном захвате власти (Ленин, т. XIV, ч. 2-я, стр. 266—267). Оно было вызвано политикой коалиционного блока, Каменева, Зиновьева и др. (правооппортунистическая оппозиция). Необходимо отметить, что это письмо в отношении МК было вызвано также недостаточно решительной постановкой вопроса о вооруженном восстании не только в большевистской фракции Моссовета, но и со стороны некоторых членов МК.

Письмо т. Ленина было обсуждено активом московской парторганизации, который на основании докладов с мест констатировал, что революционное движение, достигнув своего кульминационного пункта, в ряде мест начинает ослабевать благодаря оппортунистически настроенным товарищам, что поэтому особенно важно немедленное исполнение письма т. Ленина, немедленный переход к решительным боевым действиям через голову «коалиционеров» и других соглашателей, минуя всякую дискуссию.

После июльской демонстрации в Петрограде, когда т. Ленину пришлось скрываться от преследований Временного правительства, мы директивы о развертывании подготовки вооруженного восстания в Москве получали от т. Сталина, который совместно с т. Лениным в тот момент политически и организационно руководил подготовкой вооруженного восстания в Москве и во всей стране.

В этот период, 25 октября, в МК намечаются в боевой центр Московского совета тт. Ломов Г. А., Рыков А. И., Будзинский, Усиевич и др., составившие впоследствии военно-революционный комитет. Одновременно утверждается боевой центр партии — «семерка», в которую входят: из состава МК тт. Пятницкий и Владимирский, от профсоюзов — Козлов, от военного бюро — т. Ярославский, от окружного комитета — т. Соловьев В. И., от областного бюро — Яковлева В. и Стуков.

Баррикады на Тверской

Тогда же, 26 октября, на объединенном заседании советов рабочих и солдатских депутатов избирается **военно-революционный комитет** для «организации поддержки» Петербургу. За избрание голосовало 394 депутата, против — 116 (меньшевики и прочие), и воздержалось 25 (объединенцы). Тем не менее меньшевики и объединенцы вошли в комитет, но конечно не для совместной борьбы в рядах пролетариата, а для того, чтобы отстаивать замену революционного комитета «общедемократическим органом». Эсеры отказались участвовать в голосовании.

В состав комитета вошли от большевиков — Ломов, Смирнов, Ведерников, Муралов (Рыков, Усиевич и Будзинский — кандидаты), от меньшевиков — Тейтельбаум и Николаев и от объединенцев — Константинов.

При голосовании во время выборов военно-революционного комитета оппортунистически настроенные члены нашей фракции проводят некоторых своих представителей, которым поручается вести переговоры с Рябцевым с целью достигнуть соглашения мирным путем.

Таким образом создается буфер, колеблющийся между так называемой социалистической коалицией и ленинской тактикой.

26 октября, в 8 часов 45 минут утра, из Петрограда была получена радиотелеграмма от военно-революционного комитета:

«ВСЕМ АРМЕЙСКИМ КОМИТЕТАМ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ, ВСЕМ СОВЕТАМ СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Петроградский гарнизон и пролетариат свергнули правительство Керенского, восставшего против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное правительство, произошел бескровно. Петроградские советы рабочих и солдатских депутатов торжественно приветствуют совершившийся переворот. Они признали впредь до создания правительства советов власть военно-революционного комитета.

Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, военно-революционный комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы как враги против новой власти.

Петроградские советы видят спасение революции в немедленном предложении демократического мира, немедленной передаче помещичьих земель крестьянам, передаче всей власти советам и в честном созыве Учредительного собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных частей на Петроград. Действовать словом и убеждением, а где не поможет, препятствовать отправке беспощадным применением силы. Настоящий приказ немедленно огласить перед войсковыми частями всех родов оружия.

Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и **будет караться со всей строгостью революционного закона. Солдаты, за мир, за хлеб, за землю, за народную власть!**

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ»[1]

27 октября была созвана конференция представителей всех воинских частей московского гарнизона, которая 116 голосами против 18 постановила выразить доверие военно-революционному комитету и, в противовес совету солдатских депутатов, состоявшему из меньшевиков, эсеров и кадетов, выбрали гарнизонную «десятку» из большевиков и революционных солдат, стоявших за захват власти большевиками.

Военно-революционный комитет не мог быть достаточно боеспособен, в виду присутствия меньшевиков, которые в своем заявлении писали, что входят в комитет «не для того, чтобы содействовать захвату власти советами», а чтобы «возможно безболезненно изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма большевистских вождей».

Штаб военно-революционного комитета возглавлял Муралов.

Эта кандидатура вызвала продолжительные споры на заседании Московского комитета 25 октября (в доме № 55 по Тверской улице). Значительная часть руководящих работников считала позицию Муралова в вопросах вооруженного восстания не твердой. Эта оценка впоследствии целиком подтвердилась. Большевикам,

[1] Из документов Военно-исторического архива, д. № 2037, стр. 124.

вошедшим в штаб, все время приходилось преодолевать сопротивление со стороны эсеров и меньшевиков, «работавших» при штабе, а также колебания и оппортунизм Муралова. Часть работников-большевиков оставалась в штабе, другая часть руководила на местах порученными им войсковыми частями; например, т. Будзинский руководил 55-м полком, т. Блохин руководил автомобильными ротами и т. д. Очень хорошо работала разведка т. Федотова, состоявшая частью из партийных, частью из сочувствующих большевикам. Эта разведка образовалась главным образом из рабочих и активных членов Красной гвардии. В нее входили также «двинцы».

Большую роль в разведке играли женщины и отдельные солдаты, в значительной части члены нашей партии.

Образовавшийся военно-революционный комитет совместно с фракцией Московского совета устраивал много заседаний и много времени уделял обсуждению вопроса о выступлении, а районы, не получая первые два-три дня никаких директив, не знали, что им делать. Это ставило в тяжелое положение руководителей Красной гвардии в центре и на местах.

В своих воспоминаниях т. Цивцивадзе так описывает этот момент:

> «27-го вечером, когда на одном из заседаний по вопросу обучения, вооружения и подготовки к бою я сделал информационный доклад о решении МК держаться выжидательной позиции, т. Козычев, рабочий с завода Бромлей, выступил с резкой критикой такого решения. Он указал, что в городе уже пахнет порохом, что во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию: он сам видел, что юнкеров ротами отправляют в центр, а студенты получают от думы винтовки, и разве можно допустить, чтобы в такой момент руководящие органы не нашли ничего лучшего, как держаться выжидательного положения. Тов. Козычева поддержали работники большевики — тт. Пан, Сычев, Орехов (из трамвайной станции) и другие. Собрание вполне сочувственно отнеслось к протесту и постановило послать делегацию с требованием решительных действий».

Таким образом районы начали уже возмущаться неопределенностью положения и требовали немедленного выступления. Партийная «семерка» поспешила приступить к действиям. Они разослали уполномоченных по районам, чтобы распределить вооруженные силы и вывести часть вооруженных и невооруженных рабочих в центр, а другую оставить в районах, откуда и начать наступление, постепенно занимая все стратегические пункты.

Несмотря на соглашательские течения, господствовавшие во фракции исполкома Моссовета, события, развернувшиеся в Питере, сделали невозможным дальнейшее оттягивание вооруженного восстания.

Центральный штаб Красной гвардии

2. Центральный штаб Красной гвардии

Центральный штаб Красной гвардии вечером 25 октября в бывшей гостинице «Дрезден» собрал всех представителей войсковых частей и Красной гвардии. Заседание затянулось до 12 часов ночи. После этого совещания представители Красной гвардии разошлись на места и совместно с представителями войсковых частей на заводах и в казармах стали подготовлять выступление, употребляя все силы, чтобы хотя частично привлечь к вооруженному выступлению войсковые части В 56-й полк, расположенный в Кремле, отправился т. Берзин, назначенный комендантом арсенала Кремля. Другие товарищи разъехались по районам для руководства восстанием на местах.

Накануне Октября районные штабы Красной гвардии в полном своем составе превратились в районные военно-революционные комитеты, в которые добавочно вводились новые товарищи для руководства боями.

Центральный штаб Красной гвардии, совместно с членами МК до и после выборов военно-революционного комитета и заседания в гостинице «Дрезден» разъезжал по районам и начинал осуществлять самостоятельное выступление по разработанному ранее плану.

Мы приступили к организации через своих комиссаров на всех учтенных нами военных складах военно-революционных комитетов. Туда направлялся мобилизованный нами транспорт для вывоза оружия и посылались подкрепления из ближайших красногвардейских частей. Тогда же приступили к сооружению баррикад и рытью окопов. Силы Красной гвардии окапывались, вооружались и концентрировались на стратегических местах. В ремонтных мастерских тяжелой артиллерии (Мастяжарт) находилось около 400 орудий, из них 60 были уже в боевом порядке. Этот склад орудий под руководством работников Лефортовского и Басманного районов Демидова, Осипова и Переверзева был уже приведен в боевую готовность. Здесь были построены баррикады и вырыты окопы.

Одновременно с подготовкой воинских частей часть товарищей в штабах Красной гвардии была выделена для мобилизации транспорта.

Я лично с некоторыми товарищами объехал все автомобильные роты в Сокольниках, и ночью мы устроили там митинг. Автомобильные роты дали свое согласие на выступление с тем условием, что для охраны их автомобилей будут посланы представители Красной гвардии. Мною было отдано распоряжение на места о высылке охраны, и уже к утру 26 октября приезжали грузовики и легковые автомобили из автомобильных рот. Первая партия пришла в количестве 30 грузовиков. Постепенно, по мере надобности, подготовлялись и новые части. Это была уже мобилизация всего транспорта с вооруженными красногвардейцами.

Кроме того был вызван и прибыл в распоряжение военно-революционного комитета и штабов самокатный батальон, который

приступил к несению службы связи. Такой быстрый и относительно безболезненный захват транспорта явился результатом предварительного тщательно разработанного плана продолжительных и систематических действий Центрального и районных штабов Красной гвардии на местах.

26 октября рано утром от имени Центрального штаба Красной гвардии и военно-революционного комитета я приехал в склад автопарка к секретарю большевистской ячейки, чтобы оттуда взять имеющиеся пулеметы. По данным разведки Центрального штаба Красной гвардии, месяц тому назад здесь было 50 пулеметов, но накануне октябрьского переворота большинство пулеметов по распоряжению Временного правительства было увезено. Оставшиеся 12 пулеметов были в разобранном виде, так что ими нельзя было пользоваться. После настойчивого требования собрать и дать пулеметы для охраны Московского комитета от нападения юнкеров пулеметы были собраны и через 5-6 часов доставлены в военно-революционный комитет, где я их немедленно расставил на боевые позиции.

В связи с организацией охраны Московского совета и военно-революционного комитета, которые находились в одном и том же здании, для характеристики тогдашних правых настроений у отдельных товарищей приведу следующий факт.

Когда я руководил установкой пулеметов, ко мне подошли некоторые члены большевистской фракции Московского совета, забеспокоились и сказали:

— Что ты делаешь? На каком основании ты выставляешь пулеметы?

Расспросы эти продолжались в том смысле, что такими, мол, резкими действиями вызываются подобные же действия со стороны противника. А к этому времени к зданию совета подходил 55-й полк.

Члены Центрального комитета меньшевиков и эсеров, а также пришедшие к тому времени члены президиума Моссовета увидели, что к зданию подошла часть 55-го полка, около тысячи вооруженных солдат, под руководством т. Будзинского. Выделив делегацию, 55-й полк сообщил, что он пришел в распоряжение военно-революционного комитета и просит дать ему боевой наряд. Соглашатели пришли в ужас. Они стали агитировать 55-й полк. «Вот, мол, руководители большевистской фракции и Красной гвардии, имеющие в своей среде разные темные элементы, стараются путем авантюры захватить власть, пытаются всякими темными средствами вооружиться против армии». Раздавались крики, что «это недоверие армии, недоверие Временному правительству, недоверие революционной власти, которая до сих пор существует». Говорилось, что большевики хотят «потопить революцию в крови», что это люди, приехавшие в запломбированных вагонах, и т. д.

На такую агитацию надо было отвечать борьбой. Несколько членов МК и Центрального штаба Красной гвардии вмешались в солдатскую массу и разъясняли солдатам, что соглашатели, обвиняю-

Юнкера и контрреволюционное студенчество у своих окопов в октябрьские дни на Арбатской площади

щие т. Ленина в шпионаже, сами являются предателями революции.

Мы указывали, что «вам, лучшей революционной части, эти соглашатели хотят втереть очки в то время, когда они сами теряют почву под ногами, что они хотят расправиться путем насилия с большевиками и рабочим классом». Мы выбросили лозунг: «Долой провокаторов, долой предателей революции!» Солдаты 55-го полка пришли в ярость и закричали: «Что тут разговаривать! В штыки!..»

Мгновенно человек сто, сто пятьдесят эсеровских и меньшевистских героев разбежались во все стороны.

В пятницу, 27 октября, в «Известиях» уже появляется объявление военно-революционного комитета следующего содержания:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга, во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов, начали решительную борьбу с изменившим Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих — поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-революционный комитет объявляет: 1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию военно-революционного комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

3. Контрреволюция поднимает голову

В Центральный штаб Красной гвардии перед Октябрем поступили сведения, что Временное правительство начинает постепенно разоружать и перемещать революционные войсковые части московского гарнизона. Этот вывод войск был необходим Временному правительству, для того чтобы расправиться с вооруженными рабочими.

В Москве у белогвардейцев, юнкеров и воинских частей, верных Временному правительству и ставке, было около 60 тысяч винтовок, 10 тысяч револьверов, до 500 пулеметов, большое количество ручных гранат, были у них и бомбометы, минометы, огнеметы и несколько орудий и броневых машин. Большинство этого оружия находилось в юнкерских училищах.

Кроме того белогвардейцы как накануне Октября, так и в течение октябрьских боев усиленно старались привезти оружие извне, но это, благодаря принятым мерам со стороны Красной гвардии, не всегда удавалось. Так, например, на Рязано-Уральской железной дороге, в районе Гжатска, 28 октября отрядом Красной гвардии под руководством т. Маленкова, члена Центрального штаба Красной гвардии, было путем ловкого маневра прицеплено к нашему паровозу и привезено в Москву 39 вагонов с винтовками, предназначенными для белых.

Итак, контрреволюция тоже готовилась. Мелкобуржуазные вожди из лагеря меньшевиков и эсеров проводили политику вовлечения ряда наших товарищей-большевиков в свои административные органы и намеревались таким образом толкнуть наших товарищей на путь соглашательства.

Вожди меньшевиков и эсеров ухватывались за таких товарищей и, вовлекая их в хозяйственное администрирование, стали отвлекать их от прямой революционной работы для соглашения с Временным правительством, в частности с Рябцевым. Некоторые члены МК и руководители военного бюро одно время высказывались за то, что мы должны пойти с ними на соглашение, чтобы контролировать военно-промышленные комитеты. Однако такое сотрудничество с социал-соглашателями отстраняло наших товарищей от работы по организации восстания. Эта политика соглашательства с мелкобуржуазными партиями, как увидим, довела потом наших «коалиционеров» до сдачи Кремля накануне решительных боев.

Некоторые наши части к моменту восстания были вооружены винтовками, но не имели патронов. Противник же о патронах своевременно позаботился. Ставка и общеармейский комитет начали очень энергично работать по вооружению «надежных» частей Временного правительства. Генералы в ставке накануне октябрьских дней не зевали, а втихомолку, с ведома общеармейского комитета, продвигали эшелоны оружия в свои базы, например на станцию Серебряный Бор, в район, где в октябрьские дни концентрировались ударные батальоны контрреволюции. Доставленные туда снаряды и гранаты послужили им наилучшим средством в уличных боях против наших баррикад и окопов.

Дозарезу нужные рабочим для восстания винтовки оказались «засланными» (как докладывает офицер Жуковский после переворота нашему комиссару Мызо-раевского огнесклада т. Стефашкину) в аппарат ставки. Викжель помог в этом ставке, концентрировав огнеприпасы для удара по революционной Москве.

Таким образом во время октябрьского переворота противник оказался достаточно вооруженным. Кроме того Временное правительство принимало все меры, чтобы сконцентрировать довольно большое количество пулеметов, винтовок, ручных гранат и т. д. в юнкерских военных училищах, школах прапорщиков и в более «надежных» частях гарнизона. Оно разоружало революционные, «ненадежные» части, отбирало у них гласными и негласными распоряжениями пулеметы и винтовки и отправляло их в юнкерские школы. Например, тяжелые артиллерийские мастерские были разоружены полностью; «двинцы», выпущенные перед восстанием из тюрьмы, также были разоружены еще в Двинске, другие революционные части были разоружены на 70 процентов.

IV

Красная гвардия борется за власть советов

I. Общая обстановка в начале боев

Затяжной характер, который приняли бои в Москве, объясняется, с одной стороны, нерешительностью действий и оппортунизмом значительной части военно-революционного комитета, который, учитывая обнаружившуюся в начале восстания пассивность некоторых воинских частей, совершенно недооценил организационной силы партии большевиков и революционного энтузиазма, охватившего рабочие массы. С другой стороны, затяжной характер боев объясняется также упорным сопротивлением контрреволюционных сил.

Нерешительность тактики военно-революционного комитета особенно ярко выразилась в сдаче Кремля в начале боев, в попытках заключения перемирия с юнкерами 29 октября и в колебаниях по вопросу об артиллерийском обстреле юнкеров.

Правые эсеры и меньшевики, как известно, оказались по ту сторону баррикад.

Лишь очень незначительная часть левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов была на нашей стороне. Но их роль в общем была довольно пассивной и незначительной.

Некоторые эпизоды тех дней показали, что для многих, называвших себя «интернационалистами» и по отдельным вопросам склонявшихся на нашу сторону, все же методы вооруженной борьбы были чужды и неприемлемы. Так, например, при занятии мною во главе отряда Красной гвардии здания Московского совета с целью охраны военно-революционного комитета 26 октября я наткнулся на сопротивление секретаря Моссовета, **меньшевика-интернационалиста,** заявившего, что **Моссовет является местом... экстерриториальным** и потому он не допустит туда Красную гвардию. Почти то же самое произошло у меня там же 26 октября вечером с казначеем Моссовета (также интернационалистом), который «по чисто формальным соображениям» хотел отказать в выдаче денег на снабжение продовольствием отрядов Красной гвар-

дии и после долгих переговоров все же пытался ограничить размеры этих выдач. Пришлось ему разъяснить, что вооруженное восстание не может быть связано какими-либо формальностями.

Колебания отдельных членов Московского комитета и фракции Московского совета увеличились после того, как Каменев и Зиновьев, Рыков и Ногин, испугавшись надвигающейся пролетарской революции, дезертировали с боевых постов, объявив об этом в буржуазной газете.

Колебания в нашей фракции Московского совета касались главным образом вопроса об отношении к коалиционному штабу Красной гвардии. Некоторые товарищи, которые перед Октябрем во всех выступлениях в МК и во фракции Московского совета отстаивали идею вооруженного захвата власти и принимали участие в подготовке вооруженного восстания, стояли за совместную работу с коалиционным «главным штабом». Так, на заседании работников военного бюро МК и руководителей Красной гвардии кто-то, помню, отстаивал необходимость коалиционных или паритетных начал в работе Центрального штаба Красной гвардии и «главного штаба», исходя из тактических соображений: дескать, таким путем удастся воздействовать на те массы, которые частично шли за эсерами и меньшевиками. Большинство воспротивилось этому требованию, утверждая, что массы политически вполне подготовлены большевиками, а колебания имеются только у мелкобуржуазных интеллигентов, служащих и т. д.

Мы заявили, что ни на какие соглашения по вопросу о формировании коалиционного штаба мы пойти не можем, что такие уступки дадут лишь возможность эсерам и меньшевикам вносить путаницу в сознание рабочих по вопросам революционной борьбы.

26 октября 1917 г. городская дума во главе с Рудневым и в согласии с эсеровско-меньшевистской частью исполкома совета солдатских депутатов перенесла в свое здание свой боевой орган — Комитет общественной безопасности.

Объединив все офицерские организации, насчитывавшие к тому времени около 25 тысяч человек, с военными училищами и шестью школами прапорщиков, численностью около 12 тысяч человек, контрреволюционный штаб получил в свое распоряжение около 40 тысяч хорошо обученных бойцов. Кроме того к нему примкнула значительная масса буржуазного и мелкобуржуазного студенчества высших учебных заведений, сформированных в особые отряды и роты. Таким образом у контрреволюции была достаточно солидная боевая сила. Белогвардейцы действовали по всем правилам военной стратегии, окружив центр тремя кольцами. Под конец к ним примкнули еще гимназисты в качестве разведчиков, бойцов и санитаров. Установить точно количество примкнувших к контрреволюции студентов и гимназистов трудно, но приблизительно их было 7-8 тысяч, не говоря уже о поддержке самой буржуазии, которая всяческими путями и средствами активно помогала контрреволюции.

Пока в военно-революционном комитете шли дипломатические

переговоры и препирательства, Рябцев стянул к центру юнкеров и казаков. К юнкерам примкнуло черносотенное офицерство. Отказалась воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоявшие из мелкобуржуазного студенчества, проявляли особенно зверское настроение.

Весь центр города, кроме части Тверской улицы, был в руках юнкеров. В руках юнкеров были также трамвайная, электрическая и телефонная станции (кроме Замоскворецкой). Военно-революционный комитет таким образом сразу оказался почти отрезанным от районов. Районы, плохо связанные между собой, часто не знали, что делается в центре, и им пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть борьбы.

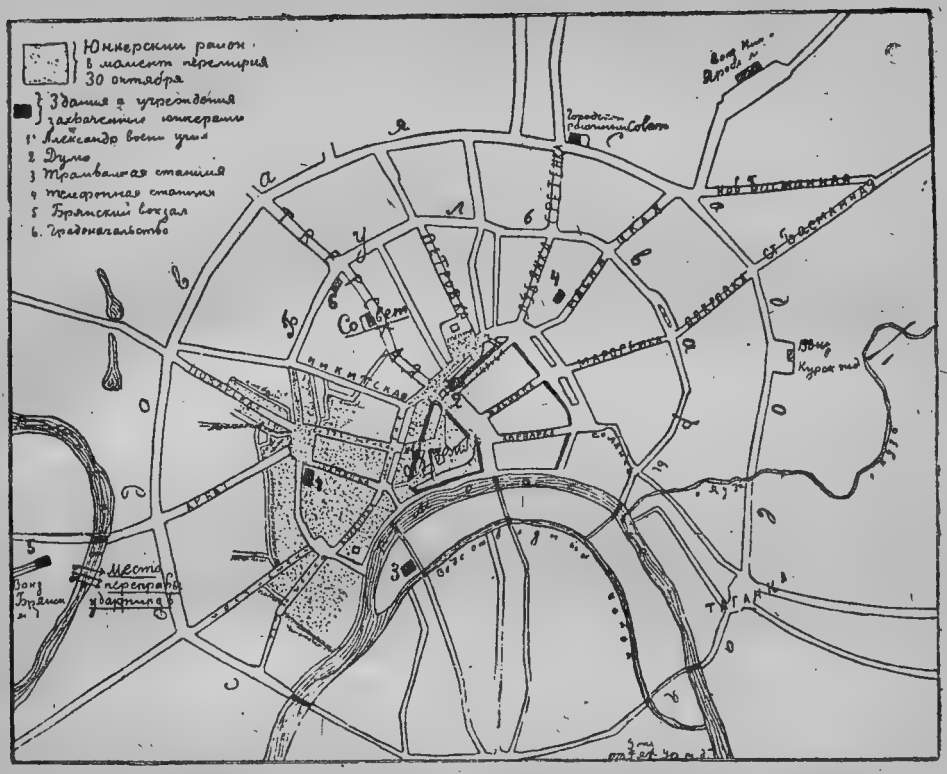
Оторванность центра от районов (связь кое-как поддерживалась только через Страстную площадь) подвергала его ежеминутно опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Советской (бывшей Скобелевской) площади. Бывали моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать. Это сильно отражалось на настроении членов военно-революционного комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и к уступкам.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах. Правда, в первый день вооруженной борьбы замечалась вялость — заводы частично работали, и военно-революционный комитет сделал крупную ошибку, не призвав их к всеобщей забастовке. Но это было только в самом начале выступления. Революционные рабочая и солдатская массы быстро раскачивались и смело под руководством большевиков вступили в бой с контрреволюцией.

2. Характеристика руководства в начале октябрьских боев

В первые дни восстания выявилась исключительная инициатива районов. Военно-революционным комитетом был издан приказ быть готовыми и держаться выжидательного положения. Но штаб белых уже концентрировал все свои боевые силы, занимая стратегические пункты. Местами уже происходили вооруженные столкновения с юнкерами. Такие действия белых крайне возмущали рабочих и Красную гвардию, результатом чего явилось выступление Красной гвардии и революционнных солдат, **не дожидаясь боевого приказа** военно-революционного комитета.

Инициатива мест выразилась также в захвате всех складов вооружения, находившихся в районах. Наплыв рабочих, требовавших оружия, был так велик, что оружия нехватало. Пришлось помимо ВРК командировать в Тулу на грузовых автомобилях отряд красногвардейцев, которые привезли оттуда 15 грузовиков разного оружия и в частности пулеметов. В таких действиях нас поддерживали главным образом кандидаты ВРК — т. Усиевич и отчасти т. Ведерников.



План театра военных действий в октябрьские дни

Таким образом уже в самом начале боевых действий обнаружилась нерешительность и «хвостизм» руководства со стороны оппортунистического большинства военно-революционного комитета.

Задача руководителей Красной гвардии, входивших в состав ВРК и составивших его боевое ядро, заключалось в непосредственном руководстве восстанием. Поэтому тт. Штернберг, Маленков, Петров, Зимин, Сентябов, Добрынин и др., за исключением тт. Усиевича и Ведерникова, введенных в ВРК, отправились на места, в районы, где и стали практически проводить в жизнь разработанный ранее совместно с Московским комитетом партии большевиков план выступления. На первое время работа сводилась к постройке баррикад, рытью окопов и захвату транспорта.

После ультиматума Рябцева военно-революционный комитет начинает подготовку к боям и издает следующий приказ за № 27/в:

«РАЙОННЫМ КОМИССАРАМ г. МОСКВЫ

По приказанию военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Не-

вооруженные должны немедленно следовать к совету в распоряжение военно-революционного комитета.

Член военно-рев. комитета **А. Ведерников**

За секретаря (подпись)»[1].

Этот приказ появился после некоторого обмена мнений. Вначале был послан приказ **о посылке всех вооруженных частей в центр.** Члены Центрального штаба Красной гвардии оспаривали это распоряжение, так как рабочие не имели достаточного количества оружия, затем такой распорядок нарушал наш предварительный план всеобщего выступления, который вкратце заключался в следующем:

«ОБЩИЙ ПЛАН РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

1) Все военные действия направляются к одному центру.

2) Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3) Не упускать из виду, что тылы будут для районов небезопасны и что может явиться возможность операций революционной армии всей страны.

4) Действия решительные и энергичные.

5) Наивозможно меньшее пролитие крови.

6) Охрана безопасности населения»[2].

Вооруженные силы в районах мы уже распределили по местам, дав им задание срочно привезти оружие из оружейных складов Мызо-Раева, Симоновского, Кремля и др., чтобы вооружить всех красногвардейцев, не имеющих еще оружия. Послать невооруженных рабочих в центр, как этого требовал другой приказ, мы не могли, так как уже начались боевые действия и юнкера могли их арестовать и расстрелять. Поэтому приказ исполнялся условно (по возможности), и в центр из районов было послано в этот период небольшое количество вооруженных и невооруженных рабочих, всего около 15 тысяч человек со всех районов.

После того как мы из Замоскворецкого района отправили часть вооруженных людей в центр. Красная гвардия пошла в казармы войсковых частей согласно плану, разработанному в ночь с 25 на 26 октября, в гостинице «Дрезден». На этом заседании центрального штаба были предусмотрены мероприятия на случай, если ВРК будет колебаться и проявлять нерешительность при выступлении. Для того чтобы подталкивать ВРК к более решительным действиям, у нас было решено через Красную гвардию и воинские части всех районов буквально засыпать ВРК требованиями на оружие.

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. 21/3.

[2] Из документов ЦВРК, Центрархив, д. 21/1.

Но в то же время мы великолепно знали, что от ВРК требуемого количества оружия нам не получить; этого мы и не ожидали, наша цель была только заставить ВРК раскачаться. На местах же проводилась самостоятельная работа по вооружению из организованных уже перед началом выступления пунктов на огнескладах и в арсеналах.

Бои с юнкерами начались со столкновений на Красной площади и сражений в Сокольническом районе, когда мы вывозили транспорт.

В авиационном парке мы, забрав пулеметы и ручные гранаты, отправили их в военно-революционный комитет, беря его под охрану, расставляя на улицах пикеты и т. п. Все казармы и все военные части были приведены в боевую готовность. Красная гвардия проводила по заводам Москвы мобилизацию своих боевых сил.

Ультиматум Рябцева не мог предотвратить гражданскую войну, и более того, он являлся объявлением войны против советов.

Замоскворецкий районный комитет большевиков на ультиматум Рябцева ответил, например, следующей статьей в листке «Социал-демократ», издававшимся Замрайкомом:

«УЛЬТИМАТУМ РЯБЦЕВА

Вчера военно-революционный комитет получил ультиматум полковника Рябцева.

Рябцев, который не так давно клялся, что он не пойдет против «левой части демократии», предательским образом нарушил свои клятвы.

Его ультиматум революционному комитету гласил:

«Революционный комитет должен распуститься, сдать Кремль, а его полки должны сдать оружие, взятое в арсенале».

Это наглое требование полковника означает начало **гражданской войны против советов.**

Калужский совет был разгромлен разбойниками Керенского. Теперь хотят разгромить один из важнейших опорных пунктов революции — Московский совет, разбить силы московского пролетариата»[1].

Вслед за этим полковник Рябцев опубликовывает «Приказ Московскому военному округу за № 1483» от 27 октября 1917 г.:

«В дни великих событий, когда благодаря попыткам меньшинства навязать волю большинству народа может поставиться на карту самое существование государства и всех завоеваний свободы, я, в полном сознании величайшей ответственности, дабы избежать раскола в рядах революционной демократии и тем не дать торжества реакции, издал приказ, призывающий не поднимать междоусобицы и гражданской войны. Но и этот приказ и все искренние попытки ввести новый государственный кризис в русло той политической борьбы, которая

[1] Листок «Социал-демократ» от 29 октября 1917 г., изд. Замоскв. районн. ком. РСДРП.

протекала бы в условиях сохранения наибольшей безопасности и внутреннего порядка, столь необходимого для спасения страны, не приводят к желательному результату.

Возникший военно-революционный комитет, действующий одной только крайней политической партией, вносит и внес уже раскол не только между воинскими частями, но **даже внутри своих частей** (подчеркнуто мною. — Я. П.). Вызванный этим раздор грозит ежеминутно превратиться в анархию и неизбежную и уже неотвратимую гражданскую войну, так как **движение** покатилось уже даже и через голову этого комитета (подчеркнуто мною. — Я. П.).

Созданный в Москве при городском управлении Комитет общественной безопасности также принял все меры к недопущению гражданской войны, но в то же время, когда одна сторона делала все, чтобы избежать войны, другая явно готовила оружие и принимала все меры к подготовке.

В полном согласии с Комитетом общественной безопасности предпринимаю последнюю попытку избежать гражданской войны, не допустить братоубийства. **Объявляю округ на военном положении.** Приказываю всем частям выполнять только мои приказы. Возникший в Москве военно-революционный комитет немедленно должен быть ликвидирован, все приказания, идущие от какой-либо организации, незаконны и исполнению не подлежат.

В каждом гарнизоне сейчас же подготовить часть войск, верную революции и правительству, выбранному свободным волеизъявлением народа, а не захватным правом, и по первому же требованию выслать ее в Москву.

Действующая армия через свои фронтовые организации выражает свой энергичный протест против захвата власти и посылает свою помощь Петрограду, где уже взята Гатчина, и Москве.

Все сопротивляющиеся этому приказу будут рассматриваться как противники страны и ее законной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах и командах.

Командующий войсками Московского военного округа полковник РЯБЦЕВ»

К вечеру 26 октября вооружаются красногвардейцы на заводе Михельсона. Они взламывают деревянную стену заводского здания и, к удивлению и ужасу администрации и служащих завода, вынимают из стены 135 новеньких трехлинейных винтовок и 23 ящика патронов к ним, а затем достают гранаты собственного производства. На следующий день из общего числа 160 заводских винтовок 100 винтовок передаются «двинцам», которые находятся в резерве на заводе Михельсона.

Часть Красной гвардии Замрайона стягивается штабом района на Калужскую площадь, откуда вечером посылается четыре патруля по 10 красногвардейцев к мостам:

1) к Крымскому — десяток Варшавского арматурного завода, расположенного у Крымского моста,

Москва, 1917 г. Отряд Красной гвардии латвийской объединенной секции РСДРП

2) к Большому Каменному,
3) к Москворецкому и
4) к Устинскому — десяток фабрики «Проводник».

Кроме того один патруль посылается на Серпуховскую площадь — к студенческой столовке на Малой Серпуховке, где помещается ревком, и к Коммерческому институту в Стремянном переулке.

Получаются сведения об ультиматуме Рябцева. Район переходит на военное положение. Начинаются боевые действия.

25 октября, также и в остальных районах, в Хамовниках организовался военно-революционный комитет в составе тт. Лысова, Юревича, Ангарского, Соловьева и Саврасова.

В Хамовническом районе с утра 26 октября выставляются посты красногвардейцев по 10 человек — на Крымской площади, на Зубовской, на Смоленском бульваре, близ Сенной площади, на Стрелке и на Плющихе, близ Девичьего поля — для задержания всех, кто будет появляться близ ревкома (находящегося в д. 13 по Большой Царицынской улице) без разрешения. Задерживали вообще по всему району и задержанных доставляли в ревком.

«Война не была объявлена, но военные действия развертывались, — пишет в своих воспоминаниях т. Ангарский. — Патрули арестовывали и вели в совет всех военных, по внешнему облику похожих на офицеров, военных врачей, отставных генералов и пр.

Дорогомиловский совет также 25 октября выбирает свой ревком в составе тт. Фаслер, Близ, Шломан, Меднис и Панова. Меньшевик Кобинков от имени соглашательского исполкома пытается закрыть совет, но его «выставляют» и отбирают у него наган.

Хамовники, имеющие небольшие силы, не могут помочь Дорогомиловскому району и потому приказывают дорогомиловским «красногвардейцам» и ревкому влиться в Хамовники.

Утром 26 октября тт. Федосов (начальник гвардии в Дорогомилове, беспартийный рабочий), Панов и Панченко, «не мирясь с постановлением Хамовников, организуют самостоятельный ревком. Создается комиссия для конфискации оружия на Брянском вокзале у проезжих офицеров. Отобрали 12 револьверов и 1 винтовку. (Из воспоминаний тт. Федосова, Фаслера и Карпова.)».

Замоскворецкий ревком в студенческой столовке на Малой Серпуховской 26-го делал последние приготовления к бою. Красная гвардия была уже приведена в боевую готовность. Воинские части также приготовились, но еще находились в казармах. Распределялись последние берданки между красногвардейцами, каждой давалось по 5 патронов. Райком нашей партии, находившийся в столовке, был в боевой готовности и беспрерывно заседал.

Группа активных участников октябрьского вооруженного восстания в Москве

Были получены сведения, что в Коммерческом институте, в Стремянном переулке, собралось студенчество, только что вооруженное эсеро-меньшевистской городской думой. Эти студенты под руководством офицеров-инструкторов предполагали разгромить столовку, а затем ударить по тылу восстающего рабочего района. Патруль красногвардейцев, высланный районным штабом Красной гвардии с Калужской площади к Коммерческому институту, зашел в студенческую столовку, откуда под командой т. Вакса пошел в разведку к Коммерческому институту. Не доходя до института, на Большой Серпуховской улице, наша разведка встретилась с контрреволюционной разведкой. Наши легли и первые открыли огонь. Противник отвечал, но неудачно. Один из них лежал убитый, два были ранены. Офицер-инструктор и три студента были взяты в плен. Остальные разбежались.

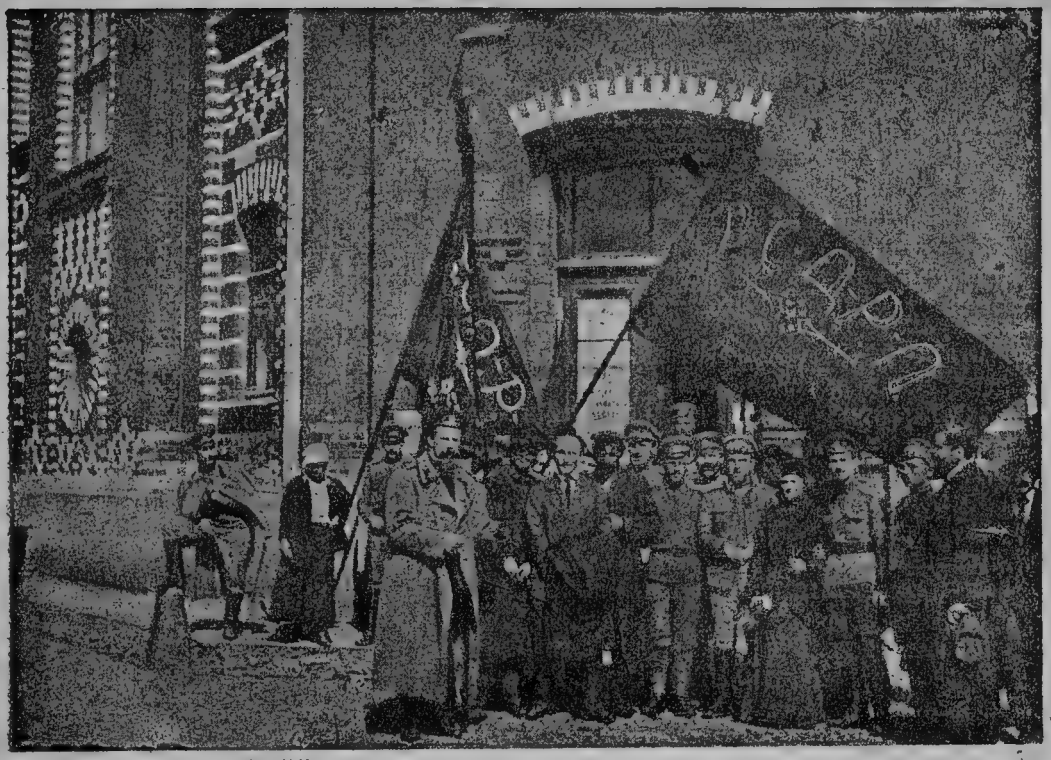
Военно-революционный комитет перешел из серпуховской столовой в помещение ресторана Полякова на Калужской площади. Штаб Красной гвардии, пополненный новыми работниками, посылает отряд красногвардейцев в центр.

3. Вооружение Красной гвардии и революционных воинских частей в октябрьские дни

Красная гвардия в начале октябрьских дней имела около 9 тысяч винтовок (в том числе около 400 берданок и некоторое количество «итальянок»), около 9 тысяч револьверов разных систем, преимущественно средние и большие браунинги, затем наганы и около 200 маузеров. Революционные части московского гарнизона имели не более 5 тысяч винтовок с очень ограниченным количеством патронов. Легкая артиллерийская бригада, находившаяся на Ходынке, почти на три четверти своего состава была за поддержку большевиков.

На артиллерийскую помощь до перехода арсеналов в наши руки мы могли рассчитывать однако в небольших размерах, так как у артиллеристов не было достаточного количества снарядов. Тяжелая артиллерия, находившаяся в селе Богородском, стала активно участвовать только с 30 октября, когда ее вывели в бой Переверзев и Блохин. Крупной боевой силой являлись мастерские тяжелой артиллерии, где работало около 3 тысяч рабочих и разоруженных Временным правительством «ненадежных» солдат. Там ремонтировалось около 400 орудий, от трехдюймовых до шестидюймовых включительно. Из этого количества мы могли рассчитывать на 60 орудий разного калибра, которые секретно были приведены в боевую готовность. Были произведены усиленные ремонты, подобраны соответствующие замки и отысканы тракторы, которые могли бы в требуемый момент вывезти орудия на позиции. Но для орудий Мостяжарта у нас не было ни одного снаряда. Так обстояло у нас с артиллерией.

В штабе комиссара Кремля во время ультиматума Рябцева



Военное бюро МК

Отсюда видно, что приведение в боевую готовность имеющихся орудий полностью находилось в зависимости от захвата в наши руки арсеналов, оружейных складов и всего транспорта, который должен был доставить снаряды для орудия. Эта задача планом Центрального штаба Красной гвардии была намечена как одно из основных мероприятий восстания.

Накануне восстания Центральным штабом Красной гвардии была проведена работа, связанная с вооружением. Уже вечером 25 октября мы приступили к реквизиции всех видов транспорта. Так, например, мы вывели 17-ю автомобильную роту с грузовиками. Около 30 грузовиков в ночь с 25 на 26 октября прибыли к Московскому совету под вооруженной охраной Красной гвардии. Все это делалось без санкции ЦВРК, но с ведома некоторых членов МК. Вследствие этого, когда вооруженные грузовики в 4 часа прибыли к совету, там получился переполох. Нас за «самочинные» действия выругали, хотели грузовики послать обратно, но мы этому категорически воспротивились. Два грузовика членами Центрального штаба Красной гвардии были отправлены в склад авиопарка за пулеметами, остальные же на площади ожидали пулеметов.

Такая же работа была проделана т. Эссеном с автогаражем манежа.

Тов. Эссен вывел грузовики и легковые машины в более на-

дежное место, чем манеж, и имел их под своим наблюдением и охраной.

Для того чтобы привести в боевую готовность 2-ю автомобильную роту, мы обратились к т. Блохину, являвшемуся в этой роте представителем МК и военного бюро. На вопрос, может ли он вывести свою роту, т. Блохин обещал весь транспорт 2-й автомобильной роты привести в боевую готовность по нашему плану, который был ему сообщен.

Эта работа имела общемосковское значение и была проведена непосредственно Центральным штабом Красной гвардии. Наравне с этим в районах проводилась такая же работа в местном масштабе, и там по всем заводам были немедленно мобилизованы грузовики и легковые машины, мотоциклетки и т. п., а также были реквизированы частные автомобили.

В виду изданного ЦВРК приказа о выжидательном положении и запрещении выдачи оружия районам из арсеналов без его разрешения мы свой план по немедленному вооружению Красной гвардии и революционных войск полностью в жизнь не провели. Но как только с падением Кремля кончилось выжидательное положение, наш транспорт немедленно был брошен на вывозку оружия из арсеналов и вооружение всей Красной гвардии и революционных воинских частей.

Здесь необходимо отметить, что распоряжение ЦВРК о том, чтобы выдавать оружие районам и революционным войсковым частям только с разрешения ЦВРК, соблюдалось комиссарами арсеналов и огнескладов только примерно до 28 октября. Причинами этого неподчинения явились бездеятельность ЦВРК в области вооружения Красной гвардии и революционных солдат и категорические требования районных военно-революционых комитетов и революционных масс рабочих и солдат выдать оружие в связи с активными и решительными действиями белогвардейцев.

Особенно ярко это проявилось после сдачи Кремля и расстрела белогвардейцами солдат 56-го полка. Этот факт сдачи Кремля, наиболее ярко обнаруживший губительную для дела революции соглашательскую тактику оппортунистического большинства ЦВРК, вызвал очень большое недовольство, вплоть до того, что на местах неоднократно угрожали разгоном ЦВРК. Решающую роль в борьбе против соглашательской политики ЦВРК сыграли члены Московского комитета и Московского областного бюро: тт. Ольминский, Владимирский, Штернберг, Яковлева, Максимовский, Усиевич, Маленков и др., а также большинство членов районных комитетов и подавляющее большинство московской организации большевиков.

Получив известие, что в ЦВРК полная растерянность, что руководство МК перенесли в районы главным образом в Замоскворецкий, Лефортовский и Городской, было решено развивать самые решительные действия во всех районах Москвы с направлением на центр.

После этого, т. е. с утра 28 октября, весь мобилизованный нами

транспорт с вооруженными красногвардейцами был двинут во все находившиеся под нашим влиянием арсеналы и огнесклады, и началось еще небывалое, неописуемо быстрое и энергичное вооружение Красной гвардии и революционных солдат.

4. Викжель
(Всероссийский железнодорожный союз)

Викжель, в руководящих органах которого сидели главным образом высшие чиновники железных дорог, телеграфных и телефонных линий, сильно нарушил всю работу революционных организаций на железных дорогах. Красной гвардии в этих условиях, да еще на ряду со всякими соглашениями, открытым и скрытым сопротивлением, замаскированным «нейтралитетом», сводившимся на деле к действиям против ленинцев-большевиков, приходилось очень трудно.

У Викжеля был тесный контакт с общеармейским комитетом при ставке, с Временным правительством, почтой и телеграфом. В его руках находились фактически все жизненные артерии страны: железные дороги, телефонно-телеграфные сети и т. д.

Во время октябрьских боев Викжель являлся совместно с почтой и телеграфом посредником в переговорах о перемирии с оппортунистической частью наших партийных товарищей, уклонявшейся от решительных действий.

Обанкротившиеся чиновники социалистических партий и Временного правительства, потеряв под собой почву, старались возобновить связь с нашими «коалиционерами». Эсеры конечно не могли не знать, что наши «коалиционеры» также не имеют за собой масс, но им важно было использовать имя большевиков, чтобы ввести в заблуждение рабочие массы, чтобы хоть в некоторой степени помешать развитию вооруженного выступления.

Кроме того, выгадывая своим посредничеством и предательскими переговорами время, они давали возможность общеармейскому комитету и ставке подтянуть свои части на подавление вооруженного восстания. «Коалиционеры» в руках эсеров должны были послужить орудием единственно для того, чтобы расправиться с восстанием и потопить его в крови.

Ультимативное требование центрального исполнительного комитета Викжеля о прекращении гражданской войны угрожало забастовкой в случае непрекращения вооруженного восстания. Несмотря на то, что могли произойти большие осложнения, мы ультиматума не приняли, а железнодорожные рабочие под руководством нашей партии требовали решительных действий. Вместо Викжеля мы создали Викжедор, который принимал активное участие в вооруженном перевороте в Москве и Петрограде. Но так как на железных дорогах очень важную роль играет и труд среднего и высшего служебного персонала, то создавшаяся обстановка при-

чиняла затруднения вооруженному восстанию. Однако эти затруднения были преодолены большевиками железнодорожного района московского узла и Викжедором.

Если Викжель активно стал на сторону контрреволюции, то в рабочих массах железнодорожников, как уже упоминалось, происходило совсем другое. Они усиленно готовились к октябрьскому перевороту и, зная, что Викжель является организацией по существу контрреволюционной, не считались с ним. Накануне Октября по инициативе партии большевиков в Москве отдельные районы московского железнодорожного узла организуют военно-революционные комитеты и отряды Красной гвардии.

По всем станциям железных дорог, помимо образования военно-революционных комитетов, рабочие принимали самое активное участие в захвате власти на местах и в управлении движением поездов.

В первую голову приступили к разоружению контрреволюционных воинских частей, оружием которых вооружались сами рабочие, принимавшие все меры к тому, чтобы подавать нам поезда с оружием, например, из Гжатска.

Когда Временное правительство при посредстве общеармейского комитета и своих эсеровских и меньшевистских представителей в ставке послало войска в Москву для подавления революционного восстания, наши железнодорожные военно-революционные комитеты под руководством представителей Центрального штаба Красной гвардии, тт. Маленкова, Зимина и Сентябова, принимали все меры, чтобы воспрепятствовать этому.

Взяв с собою отряды Красной гвардии и железнодорожный отряд, они отправляются в Гжатск.

В одно и то же время туда была послана разведка. Часть разведки представила сведения о месте расположения эшелонов войсковых частей, верных Временному правительству. Одна из частей нашей разведки была не в силах путем оружия захватить эшелоны противника и решила употребить хитрость. В разведке нашелся свой сцепщик, быстро подвели паровоз, на котором находилась разведка, к эшелону, прицепили и утащили весь состав эшелона, вырвав 39 вагонов с винтовками из-под носа белогвардейцев. Попытка прицепиться ко второму эшелону с орудиями потерпела неудачу, но это для нас не было особенно существенным, так как у нас было достаточно орудий на учете (Мастяжарт и др).

Так наши организации Красной гвардии выполняли свои задачи по вооруженному восстанию на местах и, в частности, на железных дорогах.

Эти задачи они выполнили полностью и постепенно парализовали движение сил контрреволюции на Москву.

V

Борьба за Кремль

Кремль с расположенным в нем 56-м полком и арсенал считались нами важнейшими пунктами, которые необходимо было во что бы то ни стало удержать в своих руках.

Для этого ленинской частью МК и Центральным штабом Красной гвардии было предложено комиссаром и комендантом Кремля назначить П. К. Штернберга, старого революционера, видного участника вооруженного восстания 1905 г. в Москве.

Однако ЦВРК назначил комендантом арсенала Кремля прапорщика О. Берзина, молодого члена нашей партии. На обязанности т. Берзина лежало руководство военной стороной обороны Кремля, а политическим комиссаром был назначен т. Ярославский. Защита и сдача Кремля — весьма характерный момент октябрьских боев, и на нем следует остановиться подробнее. Вопрос о Кремле в начале боев был выдвинут работниками районов и Центральным штабом Красной гвардии.

Во время заседания совета и социалистических партий в Политехническом музее 26 октября красногвардейцы Хамовнического района пришли в штаб Красной гвардии обсудить вопрос о посылке в Кремль своего отряда под руководством опытных партийных товарищей для распропагандирования оставшихся в Кремле и не перешедших на нашу сторону войсковых частей. Красногвардейцы держали связь с представителями 56-го полка и роты 193-го полка, находившихся в Кремле. Решено было двинуться в Кремль частью на грузовых автомобилях, частью через ворота и через стену со стороны Ильинских ворот, где часовые 56-го полка пропускали наших красногвардейцев.

Войдя в Кремль, красногвардейцы под руководством т. Страхова стали проводить с солдатами групповые беседы. Потом, собрав общий митинг, решили взять оружие из арсенала Кремля для Красной гвардии. В этом особенно энергичное содействие нам оказала рота 193-го полка, где работал прапорщик Малиновский. Настроение солдат определилось в нашу пользу.

Наиболее яркое представление о положении в Кремле и его сдаче дают товарищи, которые непосредственно в нем боролись.

Вот воспоминания т. Страхова.

«Ждем решения. План готов. Автомобили прибыли. Нет терпения — хочется занять Кремль.

Дважды посылали своего товарища... к т. Ногину, в Политехнический музей, где было заседание. Ждем ответа, каждый час промедления нас волнует. А в Политехническом музее идут споры. Слышим от нашей разведки калужских самокатчиков, что по Воздвиженке идут юнкера по направлению к Кремлю и манежу. Это было в 3 часа ночи на 26 октября.

Утром, в 9 часов, двинулись к манежу занимать Кремль. Я получил предписание к коменданту Кремля т. Берзину, чтобы он выдал нам оружие. С нами поехало 18 человек «двинцев». Первая колонна автомобилей во главе со мной въехала в Кремль, а вторая колонна была задержана юнкерами, находившимися в манеже».

Здесь и дальше т. Страхов отмечает медлительность действий ЦВРК — результат оппортунистической политики и тактики последнего. Таких фактов, как отправка обратно прибывшего 26 октября в распоряжение ЦВРК 55-го полка, можно было бы привести много. Между тем Ленин еще 8 октября 1917 г. писал:

«1) Никогда **не играть** с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо **итти до конца.**

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей **решительностью** и непременно безусловно переходить в **наступление.**

Оборона есть смерть вооруженного восстания.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать — ежечасно, если дело идет об одном периоде), поддерживая во что бы ни стало и **моральный перевес.** Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: «Смелость, смелость и еще раз смелость»[1].

Сравнивая эту тактику Ленина с действиями ЦВРК в Москве, мы видим, что ничего общего между ними не имеется. Но вернемся к рассмотрению событий в Кремле.

Тов. Страхов в своих воспоминаниях далее рассказывает:

«После подачи мною записки т. Берзину последний нам разрешил нагружать оружие, и мы пошли в арсенал. Увидя в казармах офицеров, мы решили их удалить из Кремля.

---

[1] В. Ленин, Собр. соч., т. XVI, ч. 2-я, стр. 270.

Сначала мы им предложили разоружиться, а потом очистить занимаемое ими помещение, которое было довольно прилично оборудовано. Сначала они наотрез отказались как разоружиться, так и очистить квартиры, но потом согласились. Мы их построили во дворе и скомандовали: «Вперед, шагом марш!» и выпустили за ворота, которые затем закрыли. Проделав это, мы принялись за погрузку оружия и не чувствовали, как погрузили. Наши товарищи хватали винтовки с завистью, чуть ли не в драку — брали сразу по 8—10 штук.

Автомобили были нагружены».

Немаловажный интерес представляют описание т. Страховым попыток вывезти из Кремля грузовики с оружием для Красной гвардии и характеристика настроения солдат, находившихся в Кремле. По этому поводу т. Страхов пишет:

«Приготовились выезжать. Выстроились и поехали к воротам, но ворота были закрыты на замки как изнутри, так и снаружи, а за воротами уже стояла цепь юнкеров и казаков. «Двинцы» конечно здесь запустили 6 юнкеров в бога. Со стороны юнкеров последовало несколько выстрелов, и когда наши ребята отъехали немного назад, стрельба в ворота усилилась. «Двинцы» были вынуждены сойти с автомобилей, а также и шоферы. Три автомобиля остались посреди двора напротив ворот под обстрелом юнкеров.

Пришлось наскоро организовать собрание в клубе офицерского собрания. Решили во что бы то ни стало все одновременно двинуть в разные ворота. Комендант Кремля т. Берзин нас останавливал и долго уговаривал: «Ребята, подождите до вечера». Остались.

Вечером мы опять взволновались, зная, что нам и нашим товарищам в районе очень нужно оружие, так как у них там совсем нет винтовок и патронов. Берзин опять нас уговаривает: «Ребята — до утра». А утром говорит: «Подойдут наши». И так мы остались, хотя, признаться, нас тянуло выехать, и с неудовольствием мы решили остаться до утра 27 октября.

Поставили караул около каждого автомобиля и решили ночь провести с солдатами в клубе. Солдаты сидели за столиками, пили чай, весело разговаривали и задавали нам вопросы: «Скоро ли Временное правительство будет свергнуто?», «Кто вас послал за винтовками?», «Велики ли силы красногвардейцев?», «Сколько полков присоединилось к Красной гвардии?», «Как артиллерия, в чьих руках?» Больше всего их интересовало, как с тяжелой артиллерией. Мы дружно повели беседу о скорейшем взятии власти в руки рабочих и солдат. Солдаты к этому присоединились... И так всю ночь мы провели в беседе, и дело доходило до отчаянных споров среди солдат. Одни говорили, что победят красногвардейцы, а другие говорили, что у нас мало силы и оружия. В конце концов

пришли к тому, что солдаты единогласно согласились утром всех двинуть в бой и отгонять юнкеров от Кремля, для того чтобы там можно было скорее доставлять оружие в районы. Но опять начались споры. Две роты 193-го полка (так называемые «мартовцы») настаивали, чтобы им пойти вперед в бой, вывести с боем обе роты и разгородить дорогу грузовикам. Они указывали, что их полк стоит в Хамовническом районе, хотели проводить наши автомобили и вернуться в Кремль со всем своим полком. А солдаты 56-го полка не уступали Таким образом до утра шли горячие дебаты. Мы конечно радовались этому. Солдаты в свою очередь были очень довольны, что мы им многое порассказали о том, что теперь делается в городе и на окраинах; они сидели в Кремле безвыходно более месяца и не знали, в чем дело, не знали, что солдаты стоят на стороне красногвардейцев. Газет они не получали и обязаны были читать только «керенщину» да слушать приказы Рябцева. Офицеры вводили их в заблуждение, говоря, что в случае если солдаты откажутся стрелять в красногвардейцев, то для этого уже вызваны с фронта две армии против солдат и красногвардейцев.

25 октября началась скверная погода. С утра 26-го пошел снег и с перерывами дождь. Такая погода продолжалась вплоть до 27 октября.

Мы стояли на караулах, перемокли, сушиться было негде, а тут как раз 26-го прервали воду в Кремле. Воды не было, продукты иссякли, и так с 26-го по 28-е мы были без воды и без хлеба. Решили сделать вылазку из Кремля.

Мы были окружены 4-й и 6-й ротами юнкеров 5-й школы прапорщиков. 27-го решили прорваться — буть что будет. Комендант Кремля опять нас удерживает. Я вношу предложение: так как я являюсь представителем пролетарской власти и послан сюда за оружием, то нам необходимо немедленно отсюда выехать с оружием во что бы то ни стало, сколько бы жертв мы ни положили, ибо все равно не сегодня, так завтра умирать. Для этого я требовал, чтобы Берзин нам дал два броневика, находящихся в Кремле. Я рассчитывал, что один броневик пойдет впереди, а за ним все наши автомобили, нагруженные винтовками, а сзади их другой броневик для прикрытия. Так и решили. Берзин, я, И. С. Сидоров и трое «двинцев» пошли в гараж, где находились броневики. Гараж был закрыт, стали искать ключи и шоферов. Но вдруг прибежали за т. Берзиным: зовут его к телефону.

Я тоже пошел за ним, думая, что для меня это очень важно. Здесь мне навстречу попались наши «двинцы» и что-то стали говорить мне про Украинский полк. Я выслушал и побежал наверх к телефону, но Берзин уже бежит обратно (это было в 12 часов дня 27-го) и сообщает, что дело неважное — будет на нас наступление. Мы быстро побежали в

клуб офицерского собрания, забрали с собой несколько нужных нам солдат, трех красногвардейцев, четырех «двинцев», удалились в одну из комнат и наскоро сколотили так называемый революционный полковой комитет. Представителем от полка был выбран т. Евтеев (впоследствии, в 1918 г., Евтеев работал при Хамовнической районной чека). И здесь, на совещании наскоро организованного полкового комитета, Берзин сообщил, что будем готовиться к бою».

Таким образом настроение солдат было революционное и бодрое. Большинство их лихорадочно готовилось к бою. Обстановка в Кремле в момент перед его сдачей рисуется по тем же воспоминаниям следующим образом:

«27-го в 10 час. 55 мин. ночи Берзиным был отдан приказ в пять минут приготовиться в боевую готовность, что и было сделано. В присутствии всех солдат было быстро открыто боевое совещание. Было решено в первую очередь выпустить два броневика, чтобы они расчистили дорогу, занятую юнкерами, казаками и ударниками, и вышли в центр навстречу нашим. Но с броневиками сложилось неладно дело: когда мы подошли к гаражу, броневики были уже готовы, но в них, оказывается, засели офицеры Украинского полка, который охранял Николаевский дворец, под командой полковника Ануфриенко.

Тов. Берзиным был отдан приказ освободить автомобиль. Они категорически отказались и заявили, что сейчас выедут из Кремля, для того чтобы «предотвратить кровопролитие».

Нельзя было медлить ни одной минуты. Мы позвали солдат 7-й роты в клуб и решили, что сейчас же надо принять меры в противовес изменникам, — надо вырыть около ворот гаража и около выходных ворот на улицу окопы и поставить заграждения. Принялись рыть рвы и заграждать проезд. Около ворот поставили 8-ю роту солдат и 4 пулемета. Броневики стояли — не посмели двинуться. Это было в 10 час. 55 мин. вечера.

Ровно через сорок пять минут—в 11 час. 40 мин.—юнкера открыли по Кремлю ружейный и пулеметный огонь и продолжали стрелять сорок пять минут. Пулеметы юнкеров были поставлены в верхних торговых рядах, во втором этаже, где впоследствии был Наркомпрод.

Засвистали пули, засверкали огни, завизжали крыши. Юнкера били по Кремлю также из трехдюймовых орудий, находившихся на Арбате в штабе юнкеров.

С грохотом падали снаряды на крыши, сверкали вспышки залпов. Думалось: «Вот, мол, и пришла пора решительная». А в наших рядах было все тихо и спокойно. Мы пока не отвечали, но чувствовали, что не все еще кончится этим боем...

Кроме двух вышеупомянутых рот — 7-й и 8-й, все остальные силы были в клубе. Комендант Берзин дает приказ: «В пять минут в боевую готовность». Кто был наверху в казармах, быстро сбежал вниз.

Берзин побежал к Тайницкой башне, отдавши приказ пулеметной команде: «В ружье!»

Прошло пять минут. Берзина нет. Я и Сидоров, бывший со мною красногвардеец Хамовнического района, подали команду: «Товарищи, за мной!», и все бросились из клуба на улицу. Здесь т. Сидоров как старый унтер-офицер повел солдат на позицию. Разместились, засели, твердо заняли позицию. Я остался около входа в клуб, где стоял автомобиль, нами лично с т. Сидоровым нагруженный винтовками. И это место было как бы полевым руководящим штабом и арсеналом.

Таким образом настроение большинства солдат, находящихся в Кремле, давало полную возможность удержать Кремль в наших руках. Однако благодаря неопределенности общей обстановки в городе и тем самым задач находившихся в Кремле революционных войск состоялось совершенно недопустимое посещение Кремля командующим Московским военным округом полковником Рябцевым совместно с представителями ВРК и военного бюро МК. Этот факт совместных разъездов членов ВРК с Рябцевым ставил втупик наших товарищей и отрицательно действовал на оборону Кремля».

По этому поводу бывший комиссар арсенала Кремля т. Берзин пишет:

«Уже полдень. Положение прежнее—ни то, ни се. Ясного распоряжения — принимать решительные меры, не останавливаться на полпути, всех офицеров безжалостно арестовать — не было. Поэтому было боязно переборщить, директивы открывать огонь не было.

Вдруг через Троицкие ворота проходит т. Муралов, полковник Рябцев, т. Ногин, из совета солдатских депутатов, т. Блохин и еще кто-то, кажется, т. Стуков.

Созывают тут же на площади перед казармами собрание. Слово берет полковник Рябцев. Он говорит, что в подвалах Кремля хранится весь запас русского золота и много других ценностей, что 56-й полк устал, надо заменить его более крепкой частью, что охрану Кремля надо поручить юнкерам. Тут как закричат на него солдаты: «Долой его! К чорту! Мы Кремль всегда охраняли. Юнкеров в Кремль не пустим. Довольно!» Чуть не избили Рябцева. Муралов обращается к Рябцеву: «Ну, вот видите. Говорил я вам, что 56-й полк из Кремля не уйдет. Юнкеров вводить не следует и незачем».

Тут кто-то выступил и сказал, что пусть полковник Рябцев уходит, что 56-й полк юнкеров в Кремль не пустит.

Рябцев, Муралов, Ярославский и остальные все вместе вышли через Троицкие ворота из Кремля».

Тот же момент т. Страхов описывает следующим образом:

«Когда Рябцев был командующим Московским военным округом, всех вооруженных сил Керенского и всей сволочи, он был здесь три раза, и с ними были наши товарищи: Муралов, Ногин, Ярославский, Аросев и прапорщик Иванов, последний — комроты 193-го полка.

Я встал на автомобиль и задал вопрос Рябцеву после его долгой речи солдатам. И когда он на мой вопрос не ответил, а я настоятельно просил ответа, солдаты слушали мои слова и кричали: «Вот это так, вот это правильно!» Тов. Ногин тогда сказал мне: «Тов. Страхов, я поручаю за него ответить т. Иванову». Впоследствии Рябцев сделал много резких выпадов в сторону красногвардейцев. Солдаты здесь закричали «ура», схватили Рябцева, подняли в воздух и кричат: «Раскачать да ухнуть об землю, чтоб костей не было!» Некоторые так озверели, что кричали: «Рви его на куски, зачем об землю, давай рвать!» Я крикнул: «Товарищи, на гауптвахту его, куда раньше вас сажали, а теперь его посадите!»

В это время т. Ногин закричал мне: «Тов. Страхов, оставьте его и дайте нам,—мы сами с ним разберемся!» Я послушался т. Ногина и стал просить солдат, чтобы они оставили этот прием и выдали бы Рябцева т. Ногину. Солдаты конечно меня послушали и со смехом оставили... А после что было? Рябцев на этом же месте строил солдат и рабочих целыми ротами и расстреливал».

Так обстояло дело в Кремле. Между тем т. Ленин еще в сентябре 1917 г. писал:

«А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к Дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города...» [1]

Итак, т. Ленин предлагал арестовать генеральный штаб, а у нас, в Москве, «генеральный» руководитель белогвардейцев, полковник Рябцев, свободно разъезжал совместно с членами ВРК и в их присутствии держал контрреволюционные речи, будучи в кругу революционных частей. Ясно, что в результате такого якшания последовала сдача Кремля.

Геройство масс при сдаче Кремля описано тем же т. Страховым:

[1] В. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 140.

«Я остался около автомобиля, нагруженного винтовками, с десятью солдатами. Ко мне подбежал т. Иевлев. Я переговорил с ним, и мы решили к этому автомобилю подтаскивать патроны. Тов. Иевлев взял на себя руководство 11-й ротой арсенальцев, которые набивали пулеметные ленты и подтаскивали к автомобилю. Здесь же солдаты, которые были со мною, открыли ящики с патронами, и разносили ленты по пулеметам. Я не могу себе представить, как я сделался каким-то механизмом — то кричу: «товарищи, тащи ленты к пулеметам», то кричу: «товарищи, берите винтовки с автомобиля и бегите к стенам».

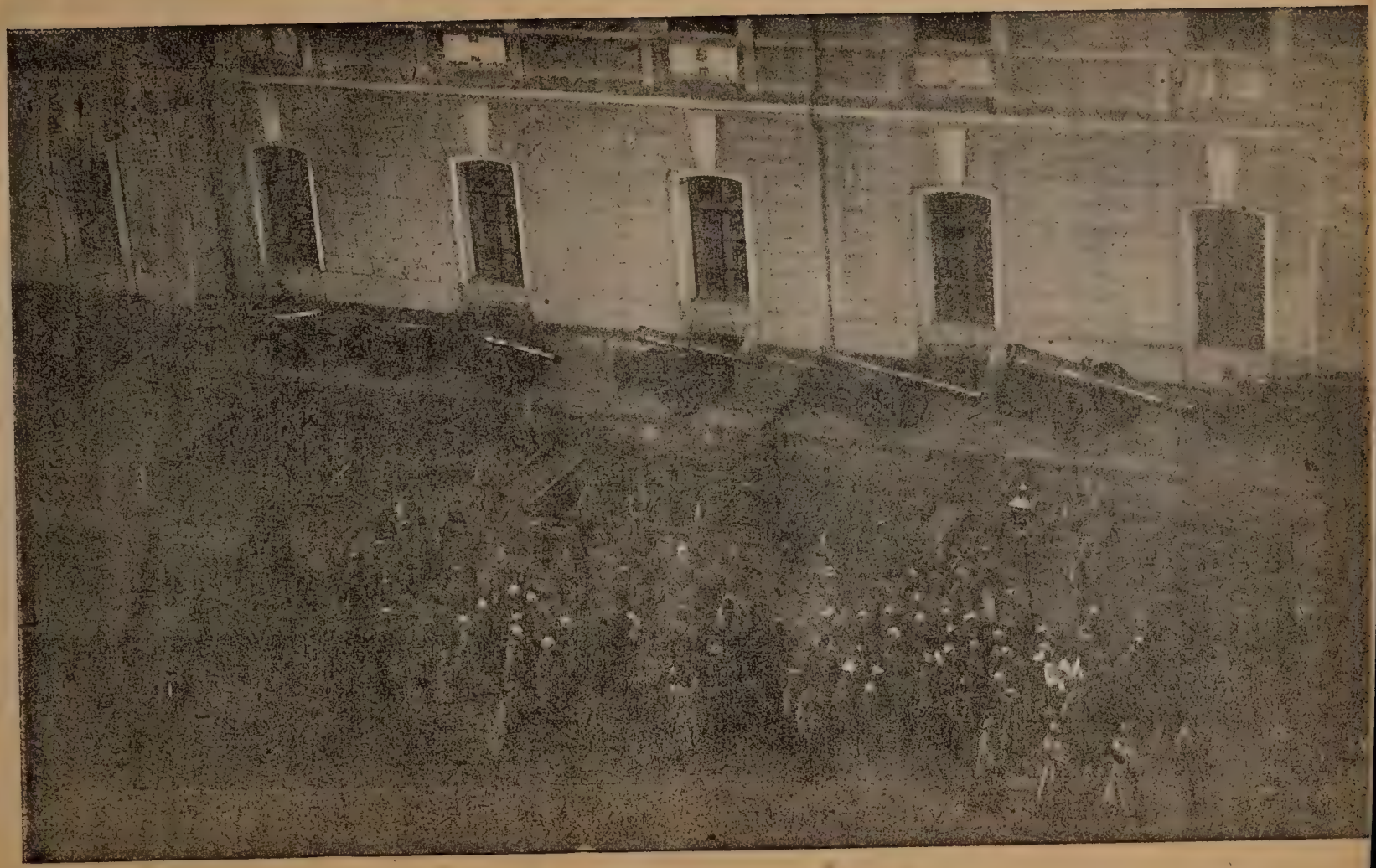
А около стены с площади юнкера уже делали подкоп и что-то тяжелое подтаскивали. Очевидно, хотели сделать взрыв — взорвать стену динамитом. Вдруг раздалась команда: «Огонь!»

Точно вихрь подхватил все оставшиеся силы. Все бросились к стенам Кремля и открыли огонь по проклятым белым насильникам. И в гуле сливавшихся ружейных щелчков с площади послышались дикие вопли, стоны и крики. Это были побитые нашим метким огнем юнкера 4-й и 6-й рот. Не обошлось и у нас без потерь. Но такие потери у нас не в счету; у нас двое были ранены в ноги и один в руку, правое плечо, ключицу и шею. Раненых тут же санитары несли в клуб, где было приготовлено несколько кроватей.

У нашего автомобиля образовывается склад патронов и пулеметных ящиков с лентами. Со стороны юнкеров пули летят по всей площади к двору Кремля. Только и слышно: чок, чок, чок... Это падают пули на ящики, лежавшие с патронами. И, точно дождь, шумят пули: летят мимо ушей — дзинь, дзинь... Кому вопьется, проклятая, в ухо, кому в шапку попадет. Помню, одному товарищу рикошетом попала пуля в нос. А у меня в кармане, не знаю как, очутились две пули.

Роты 56-го полка вошли в ярость и стреляют без всякой пощады. Солдаты говорят: «Мы были во Львове, в Кракове, видали крепостные бои, но такого, как тут, в Кремле, не видали». Рота Украинского полка, охранявшего во время боя Николаевский дворец, по приказу полковника Ануфриенко снялась и ушла в казарму. В клубе они устроили митинг, агитируя: «Зачем нам здесь стреляться, когда все солдаты сдались Временному правительству Керенского, который уже находится в Москве? С ним прибыла армия с фронта во главе с Алексеевым. Тяжелая артиллерия уже направлена на нас...» Я тут же заметил их грязное дело, побежал, отыскал т. Берзина, и вместе с ним мы пришли в клуб, выступили против этих ораторов, разбивая их мнение.

В то время, когда 56-й полка вел ожесточенный бой, украинцы хотя и пошли на свои места, но боя не принимали



Избивают и ведут на расстрел солдат 56-го полка в Кремле

Избивают и ведут на расстрел солдат 56-го полка в Кремле

Расстрел 56-го полка юнкерами в Кремле

и частью побросали оружие и скрылись в казармах. Потом вновь пошла агитация: «Сдадимся, нас окружили».

Время было уже 2 часа ночи, и мне жалко и больно стало. Слышу, доносятся выстрелы, шум и крики «ура» со всех концов Москвы. Я ободряю солдат, говорю им: «Слышите, наши идут нас выручать». Но мне отвечают: «Что же так долго?» Я успокаиваю: «Они идут и продвигаются с боем — ведь есть преграды на пути». Я тут выбился из сил, объясняя и уговаривая. А полк украинцев стал все более разлагаться и разлагать наших бойцов. Ровно в 6 часов утра 28 октября в ворота падает снаряд, и затем поступает приказ командующего Московским военным округом войск Временного правительства: в течение пяти минут сдать Кремль, а в противном случае Кремль будет разбит... Предложение Рябцева сразу решено не было, а ответили через двадцать пять минут.

Украинский полк целиком присоединился к сдаче, да еще и раньше было видно их колеблющееся настроение. Но мы, и в особенности красногвардейцы, не решались сдать Кремль. Мы определенно решили держаться до последнего солдата. Однако комендант Кремля т. Берзин решил сдать Кремль. После двадцати пяти минут было еще второе предложение о сдаче Кремля, где Рябцев указывал, что он после сдачи войдет в Кремль и, если в пять минут все разоружатся, тогда он никого не тронет, в чем дает свое честное слово. Большинство солдат 56-го полка и после этого не решалось сдаваться и решило держаться, а мы как красногвардейцы заранее знали, что нам может быть при сдаче и какова будет наша судьба.

Берзиным был издан приказ прекратить стрельбу по юнкерам. Некоторые солдаты не хотели прекращать стрельбу, совершенно не хотели считаться с приказом Берзина; солдаты желали продолжать дальше вести оборону, а Берзин не хотел.

Итак, вопреки нашему решению, в 6 час. 35 мин. ворота Кремля открылись и с двух сторон вошли юнкера робко, с опаской. Берзин приказывает всем сдать оружие... Я наблюдал, и видно было, как некоторые солдаты неохотно бросали винтовки, а другие, например Украинский полк, бросили винтовки шагов за десять. Те, кто неохотно расставался с винтовкой, клали ее у своих ног. Украинцы, бросая винтовки, быстро повертывались спиной к оружию, а те, что неохотно сдавали оружие, оставались неподвижны, лицом к оружию, а некоторые совсем не сдавались и вели перестрелку.

Солдаты-большевики 56-го полка еще держались и не хотели сдаваться.

Берзиным была дана команда: «Полк, смирно». Всех, кто был снят со своих боевых мест, и тех, кто был в казарме и на площади, построили, и Берзин крикнул перед проходив-

шими юнкерами: «Положить оружие!» Оружие положили, но некоторые попрятали в казармах.

Юнкера продвигались дальше в глубь Кремля с двух сторон. Шли колоннами: впереди пулеметчики — офицеры с пулеметами.

Я в это время был около стены, где еще солдаты были вооружены и не хотели сдаваться. Вдруг солдаты при виде юнкеров открыли огонь. Юнкера в панике бросились бежать к стенам, а некоторые обратно за ворота с криком: «Измена, измена!.. Где Рябцев?» В это время около стены обходили броневики, и солдаты, увидя их, еще больше набрались духа, полагая, что это наши броневики и прикрывают нас от юнкеров. Солдаты стали еще сильнее и чаще открывать огонь по юнкерам... Но вдруг броневики остановились и открыли огонь по стрелявшим. Солдаты тогда прямо не знали, что и делать, но все же продолжали стрелять.

Когда вошли юнкера в Кремль, был удобный и решительный случай. Они шли густыми колоннами и страшно были робки и несмелы. Вот в этот момент возможно было побить все колонны не только из пулеметов, но даже из винтовок. А у нас ведь были почти на каждой колокольне пулеметы и достаточное количество лент, так что у некоторых доходило до пятнадцати ящиков. Солдаты были вполне уверены, что мы отстояли бы Кремль и побили бы юнкеров, в особенности при такой обстановке, когда они шли колоннами.

Когда броневики, а также задние ряды юнкеров открыли огонь по стене, я был ранен в голову. Помню, что при ранении я еще последний раз спустил курок, после чего у меня сейчас же стало темно в глазах, и я упал.

Сколько прошло минут, как я пришел в себя и встал, я не помню. Но у меня уже не было ни винтовки, ни револьвера. Мечтаю, куда бы это мне деваться. Смотрю, недалеко от меня стоит мой товарищ Сидоров И. С. и другой товарищ с завода Бромлея из 11-й роты арсенальцев. Не успел я крикнуть Сидорову, как ко мне подбежало человек семь юнкеров и, помню, один матрос. Меня сразу ударили несколькими прикладами. Я падаю и только слышу, будто какой-то сон, что они кричали: «Коли его!», «Руби его!» и т. д. Все-таки я собрался с силами и открыл глаза: против моих глаз стояла толпа юнкеров, и двое из них направляли в меня штыки, а третий замахнулся шашкой.

Что со мной было дальше, не знаю. Я очутился в построенных рядах, как и все солдаты, и чувствовал, что выбиваюсь из сил. Но меня ободрила трескотня пулемета. Рядом с собой слышу крики ужаса. Это юнкера стали по нас стрелять из пулемета, и около меня, как снопы, валились солдаты.

Около Николаевской гауптвахты стояли офицеры и кричали: «Стоять смирно! Не ложиться!» Ко мне подошел с тремя звездочками офицер, поручик, да как ударит меня по лбу

наганом! Я упал. Только чувствовал, как меня бросили на гауптвахту.

Когда я пришел вновь в чувство, то увидел опять перед собой товарища Сидорова и немного обрадовался. А около меня и сзади товарища Сидорова уже лежат трое мертвых и кровь... кровь...

Тов. Сидоров мне рассказал, как юнкера меня били. Его слова, что он мне говорил, я помню и сейчас. Тов. Сидоров говорил:

— Я видел, как над тобой издевались, как тебя били. Я бы никогда этого не выдержал, а ты, хотя и раненый и весь в крови, остался жив. Ведь, — говорит, — когда тебя избивали, то я в это время от ужаса и жалости упал в обморок и только вот теперь очнулся здесь с тобой вместе.

28-го в 3 часа дня пригнали нас в казармы. Нас было много, около 500 человек. У дверей стояли юнкера и поставили пулеметы. Разговаривать нам воспретили, но мы не обращали на это внимания, так как были очень голодны. Несколько дней до этого пищи у нас совсем не было. На нарах были разные солдатские принадлежности, и мы стали лазить по полкам искать завалявшихся сухарей, находили и делились.

В 7 часов вечера до нас стали доноситься звуки орудийных выстрелов. Мы с Сидоровым прислушиваемся. «Это у нас... да, у нас, в Хамовниках». Слышно направление шума снаряда, слышим взрыв снаряда на площади, забыл, около какой церкви, где снаряд угодил около парадного, т. е. около паперти, да так угол и отгрыз.

Слышим, второй, третий и четвертый... И мы все заговорили и обрадовались, что умирать легче под своими снарядами, и запели: «Вы жертвою пали».

В этот момент, во время пения, по нашему подсчету снаряд врезался в угол стены казармы, сбил угол и ворвался в казармы, сбив все наряды отделения.

Здесь произошла маленькая паника, но скоро все обошлось и успокоилось.

Вдруг в самое среднее окно казармы влетел трехдюймовый «жук» и, протелетев все помещение, вылетел в другое окно.

Когда он летел, от него было очень жарко, и у меня сейчас осталась от него память, когда обожгло мне правый висок.

Один старикашка, с испуга очевидно, скончался от разрыва сердца».

Так описывает события в Кремле т. Страхов.

Тов. Базякин, бывший в то время солдатом 56-го полка, рассказывает про события в Кремле следующим образом:

«Утром 28 октября в 7 часов т. Берзин собирает нас и говорит: «Товарищи, мною получен ультиматум и дано на размышление двадцать минут. Весь город перешел на сторону командующего войсками». Оставшись одни, будучи изолированы от города и не зная, что делается за стенами Кремля, мы решили с т. Берзиным сдаться. Стащили пулеметы к арсеналу, открыли ворота и пошли в казармы. Не прошло и тридцати минут, как поступило приказание выходить во двор Кремля и выстраиваться поротно. Ничего не зная, выходим и видим, что к нам пришли «гости» — роты юнкеров, те же наши броневики, которых мы ночью не пустили, и одно орудие — трехдюймовка. Все перед нами выстраиваются. Нам приказано стать фронтом к окружному суду. Выстраиваемся, а юнкера нас окружили с ружьями наготове. Часть из них заняла казармы в дверях, в окнах тоже стоят. Не поспели как следует разобраться, как слышим: от Троицких ворот затрещал пулемет по нас. Мы все в панике бросились кто куда. Кто хотел в казармы, тех штыками порют. Часть бросилась в школу прапорщиков, а оттуда бросили бомбу. Мы очутились кругом в мешке. Стон, крики раненых наших товарищей... Через минут восемь бойня прекратилась. Выходят офицеры и махают руками: «Стой, стой, это ошибочно». Остановив, выспрашивают. Волосы дыбом на голове... Подымаемся с земли и опять двигаемся друг на друга. И что же? Пододвинулись друг к другу, и опять, слышим, затрещали пулеметы на нас. Опять прекратили. Опять выходят офицеры и говорят: «Ваши стреляют, встань же». Но рабочие арсенала видели, как нас расстреливали, и поняли, что с ними может быть это же. Они поставили в окнах арсенала пулеметы и открыли по цепи юнкеров стрельбу. Я лежу за ящиком японских винтовок, которые были около арсенала, и вижу: выскакивает женщина в форме прапорщика, вокруг плеча пулеметные ленты. Затем выкатывают пулемет, ставят около царь-пушки и открывают стрельбу по окнам арсенала. Потом все утихло. Но нам опять кричат: «Становись!» Выходит седой полковник и кричит: «Всех на Лобное место». Нас, оставшихся, построили в две шеренги, обыскали, отобрали ножи, у кого они были, затем скомандовали: «Направо!» и повели во двор Окружного суда. В воротах везде поставили часовых. Мы находились там с 8 часов утра до часу ночи 29-го числа, как скотина в загоне. К нам стали приводить всех, кого где поймали. Потом несколько человек взяли от нас, чтобы убрать убитых и стаскать их в сарай. В час ночи нас выстроили, сосчитали и повели в казарму, где помещалась одна рота на третьем этаже. Там вплотную сдвинули, принесли «парашу», а в дверях поставили часовых. Утром из нас отобрали 70 человек и повели на второй этаж. Там сформировали роту и назначили ротного командира, прапорщика Хорошкова. Эта рота под конвоем возила убитых товарищей на гру-

зовиках в университет. Нагружала, сгружала, ходила за продуктами на Воздвиженку, в Экономическое общество офицеров, и несли каждый по мешку картошки на себе, а юнкера шли сзади и погоняли. Дня через три нашего плена получилось что-то непонятное. Стали нас по одному вызывать и допрашивать: сколько лет и т. д. Тем, кто был старше тридцати пяти лет, давали пропуск за ворота и говорили: «Мы вас выпускаем, идите, куда хотите». Но никто не решался выходить, потому что за воротами Кремля стояли посты из офицеров и юнкеров и сулили нам штыки. Гоняли нас под обстрелом загораживать арки Иверской часовни, чтобы им можно было ходить в думу на совещания. На четвертый день нашего плена стали обращаться с нами мягче. Вечером собирал нас ротный Хорошков, стал рассказывать, что делается в городе. Говорил, что все бьют, грабят, растаскивают. Затем началась стрельба по Кремлю. Нам передают, что это наши делают — разбили Малый Николаевский дворец, пробили Ивана Великого, и наконец попал снаряд в наши казармы. Нас всячески пугали, и мы в ожидании смерти ждали, что вот сейчас все рухнет. Нас никуда не выпускали. Затем слышим — стали юнкера перебегать к рабочим. Но мы не знаем, что будет с нами. Наконец под 2 ноября к нам приходит какой-то офицер и говорит: «Соберитесь ко мне. Вот что, друзья. Мы жалеем вас и хотим вас выпустить, но боимся, что вас всех перестреляют из пулеметов. Выпустим первую партию, и если стрельбы не будет, то будем дальше выпускать». Но наши товарищи знали, что в ночь будут выпускать из плена. Направление нам дали в Покровские казармы. И вот во второй партии пошел я. Выпускали в Спасские ворота. Истерзанные и напуганные, идем мы на пальчиках. Ночь темная. Проходим Василия Блаженного. На углу Варварки горит форнаь. Смотрим — магазины все в порядке, и думаем — нагло врали наши враги. Идем дальше. Слышим голос: «Стой, кто идет?» Отвечаем: «Товарищ, пленные из Кремля». Нам отвечают: «Проходите». Подходим к Варварским воротам. Смотрим — целая застава наших товарищей. И с каким восторгом они встречают нас... Нас направили в чайную на Солянке. В Покровские казармы мы попали только в 4 часа утра. Мы рассказывали нашим товарищам, как расправлялись с нами наши враги, не считаясь ни с чем».

Отсюда видно, что т. Берзин, оставшись один в Кремле, без политического комиссара, был введен в заблуждение Рябцевым, который ему сообщил, что военно-революционный комитет разгромлен и все войска сдались. Кроме того я лично считаю, что на сдачу Кремля имели влияние торги с Рябцевым, происходившие в Кремле даже на глазах революционной и солдатской массы, а также тактическая линия большинства ЦВРК и его штаба во главе с Мураловым.

Муралов, будучи членом ВРК и организатором его штаба, вместо того чтобы руководить восстанием, занялся соглашательскими торгами с Рябцевым, пытаясь склонить последнего на сторону революции. Нельзя оправдывать и ошибочных действий т. Берзина, отдавшего приказ о сдаче Кремля и открывшего ворота, не считаясь с протестом и негодованием войсковых частей и красногвардейцев.

Сдача Кремля была крупной ошибкой, которая создала нам большие трудности в развертывании боевых действий. Она показала, как неуместны были всякие колебания и расчеты на соглашение с противниками в момент начавшейся борьбы.

О захвате Кремля контрреволюционеры кричали, как о крупной своей победе и «разгроме большевиков». Сдача Кремля произвела ошеломляющее впечатление и обнаружила оппортунистическую сущность тактики большинства членов ВРК.

Трагизм положения увеличился еще и тем, что наступающие контрреволюционные войска относились к Красной гвардии не как к восставшему рабочему классу, а как к бандитам, по отношению к которым все допустимо. Белогвардейцы пускали в ход разрывные пули, провокационно выбрасывали белый флаг и т. д. Юнкера избивали пленных, подвергали их пыткам и расстрелам, не останавливаясь даже перед массовым расстрелом безоружных, как это имело место в Кремле по отношению к солдатам 56-го полка и арсенала.

Взятие Кремля юнкерами заставило «коалиционеров» убедиться, какой громадный вред уже принесла их соглашательская политика, а расстрел солдат 56-го полка в Кремле Рябцевым показал им, что в случае победы Временного правительства их ожидает такая же участь.

VI

Первый период боев до заключения перемирия

На Красной площади первыми выступили «двинцы», получившие вооружение от Замоскворецкого района. В то же время районные руководители штаба Красной гвардии снаряжали реквизированные грузовые автомобили и в сопровождении вооруженных красногвардейцев отправляли их в огнесклады за оружием.

Посланные на склад автомобили, с помощью вооруженных отрядов красногвардейцев и под их охраной нагрузив оружие, быстро направлялись обратно по своим районам, районным ревкомам и заводам. Здесь немедленно были вооружены уже сформированные красногвардейцы и в первую очередь основные их кадры. Таким путем через несколько поездок целого обоза грузовых автомобилей было получено большое количество вооружения из Мызо-Раевского и Симоновского складов.

Получив вооружение, рабочие разбились на отряды и под руководством наших староармейских инструкторов и выделенных МК командиров-боевиков 1905 г. постепенно начали наступление.

Выдающуюся роль в октябрьском перевороте, как я уже указывал, сыграли «двинцы» и мастяжартовцы. Среди них работала масса разоруженных староармейцев, которые при Керенском считались «ненадежными».

Эта революционная часть старой армии по инициативе красногвардейцев быстро сформировалась в единую боевую силу и повела решительное наступление.

Утром 27-го юнкера начали обстреливать из пулеметов Московский совет и Скобелевскую (ныне Советскую) площадь, затрудняя деятельность Московского комитета в ВРК. К тому времени нами на Скобелевскую площадь была привезена одна батарея из 1-й легкой артиллерийской бригады с Ходынки. Часть артиллерии к ВРК подвигалась через Краснопресненский район. Для прикрытия привезенной батареи мы установили на грузовых автомобилях пулеметы, при чем эти грузовики разъезжали в районе Московского совета по Столешникову, Гнездниковскому и близлежащим переулкам, мешая наступлению противника на Московский совет.

Кстати, можно отметить, что внутри Московского совета также были расставлены пулеметы и весь район около Моссовета был взят в радиус нашего обстрела.

На местах районы, получившие вооружение, сформировали на Мастяжарте несколько батарей, тракторами доставили их на позиции и расставили на стратегических пунктах.

Тов. Демидов описывает в своих воспоминаниях этот период борьбы в Лефортовском районе следующим образом:

«Мастяжартовцы приступили к расстановке своей артиллерии. Три трехдюймовых пушки выставили на берегу реки Яузы. Два тяжелых осадных двадцатичетырехлинейных орудия поставили возле Введенского народного дома. Эти два орудия должны были действовать против находившейся близ Введенского народного дома школы прапорщиков, в которой помещалось около 500 человек будущих прапорщиков, хорошо вооруженных и опасных для района. Но потом, когда ВРК и штаб Красной гвардии предъявили ультиматум, большинство их сбежало, а 120 человек были нами задержаны. Произошло это таким образом. Мы на Введенской площади установили две шестидюймовых мортирки и наводили на школу прапорщиков. В то же время части Красной гвардии и революционных солдат стали окружать школу, дав им пять минут на размышление. К пруду, находившемуся за школой, подоспело около 20 красногвардейцев, чтобы загородить им дорогу. Однако прапорщики быстро навели через пруд легкие понтоны и целой лавой, около 300 человек, бросились бежать как по понтонам, так и обходными путями во все стороны. Понятно, что 20 человек красногвардейцев удержать их не могли, и они разбежались без боя. В школе прапорщиков нами было взято около 20 пулеметов, несколько тысяч винтовок, большое количество ручных гранат и патронов. Восторг красногвардейцев и революционных солдат был неописуемый — бросали вверх шапки, качали друг друга и т. д.

Вторая задача этих орудий заключалась в том, чтобы с этого удобного месторасположения обстреливать три железные дороги: Казанскую, Ярославскую и Николаевскую в случае продвижения по ним войсковых и всяких иных подкреплений для подавления октябрьского восстания в Москве. С этого места было удобно обстреливать Кремль.

Затем два сорокадвухлинейных орудия мы выставили на Преображенской площади, с тем чтобы отразить возможное продвижение противника со стороны Богородска. Два легких орудия поставили в Лефортове за военной тюрьмой для обстрела кадетских корпусов и Алексеевского военного училища. Другие два легких орудия поставили на Вознесенской улице в одном из дворов, опять-таки для обстрела Алексеевского училища и квартир офицерства, из которых оно обстреливало нас впоследствии из пулемета. На Преображенской

площади устроили наблюдательный пункт.

В ночь с 26 на 27 октября артиллерия таким порядком была расставлена. К 4 часам утра тремя отрядами Красной гвардии мы оцепили со всех сторон все три кадетских корпуса и Алексеевское военное училище, представляющее собой грозный офицерский и юнкерский очаг явной контрреволюции не только для Лефортово-Благушинского района, но и для всей Москвы. Толстые каменные корпуса Алексеевского и других училищ представляли настоящую крепость, оплот контрреволюции».

Достоверность сообщенных здесь фактов как участник этой операции подтверждаю и я.

Таким образом нами было получено из школы прапорщиков большое количество вооружения, и мы направились к Алексеевскому военному училищу на помощь Замоскворецкому и Рогожско-Симоновскому районам, которые уже приготовились к наступлению, вырыли окопы, построили баррикады и этим прорвали передвижение юнкеров, не давая им возможности пробиваться в центр. Но этого было мало. Нужно было начать регулярное наступление Поэтому мы начали обстрел Алексеевского училища из шестидюймовок со стороны Бауманского, Замоскворецкого и Рогожско-Симоновского районов (в последнем под руководством тт. Гончарова и Лидак). Эта бомбардировка заставила часть алексеевских юнкеров выбросить белый флаг. Договор о перемирии с юнкерами заключили тт. Васильев, Масленников, Демидов и др. Силы противника были уже поколеблены энергичным натиском Красной гвардии и войсковых частей.

Другой товарищ, начальник штаба Красной гвардии Бутырского района, т. Качалин, в своих воспоминаниях также обстоятельно описывает обстановку вооруженной борьбы в Бутырском районе и на железнодорожных станциях. При этом необходимо отметить, что главные силы Красной гвардии этого района, под командой начальника Бутырского района т. Квесис, были двинуты для непосредственной борьбы в центр. Вот описание борьбы в районе:

«С первого часа восстания все товарищи, вооруженные и имевшие военную подготовку, во главе с т. Квесисом были направлены в Городской район.

Я уже был назначен районным комитетом начальником штаба Красной гвардии района, и мне пришлось организовать отряд из новых людей. Но в этот момент уже не было необходимости в обучении: обученных девать было некуда. Со всех заводов приходили рабочие по нескольку десятков и заявляли, что у них есть взводные и отделенные командиры, и просили только дать им оружие и распоряжения. Это были рабочие с заводов Дукс, Устрица, Габай, шорных мастерских, Циммермана, хрустального завода и разных мелких мастерских.

Наша артиллерия в ожидании приказа БРК наготове (

В ночь восстания мы с Богородицкой улицы перебрались на Нижнюю Масловку, заняли большой дом, который в несколько часов превратился в муравейник. Избрали революционный комитет, к которому и перешла вся власть в районе. В революционный комитет входили тт. Багров, Розова, Коробочкин и один представитель от солдат (фамилии не помню), кажется, от «двинцев».

Все приказы исходили от революционного комитета, но в боевую часть ревком совершенно не вмешивался, предоставив все это начальнику штаба Красной гвардии.

Главная трудность, с которой мы столкнулись с самого начала, было отсутствие оружия. Во всем районе было только 7 винтовок, которые мы получили в наследство от объединенного районного комитета, и несколько револьверов, с которыми пришли сами рабочие.

На утро первого дня восстания мы собрали всех вооруженных — около 20 человек, с которыми и направились разоружать офицеров в лазарет на Панской улице, где их было около 200 человек. При обыске мы там нашли 5 револьверов и несколько шашек. Затем в двух комиссариатах милиции было взято около 16 винтовок, так что на первый день удалось вооружить огнестрельным оружием человек 50 и холодным (штыком и шашкой) тоже около 50. Ясно, что этого нам было мало. Рабочие все время требовали настойчиво оружия и заявляли, что без оружия они ничего сделать не могут.

В это время наша разведка нам донесла, что в Петровской сельскохозяйственной академии находятся 300 человек буржуазного студенчества, враждебно к нам настроенных и вооруженных. Они являлись для нас большой угрозой. Ясно, что нужно было их обезоружить, обезвредить. Но пойти к ним у нас не было с чем. По соседству с ними находилась также 75-я тульская дружина, состоявшая из запасных стариков, которые несли караульную службу. Их было человек 150. Они были вооружены старыми берданками. Посоветовавшись с т. Коробочкиным, членом ревкома, мы решили переговорить с этой дружиной стариков, с тем чтобы привлечь их на нашу сторону и не допустить их под влияние студентов. Вначале дружинники долго колебались, хотели остаться нейтральными, но мы их запугали, сказав, что студенты могут их захватить врасплох и отобрать оружие. После этого они решили держать с нами связь. К этому времени нам сообщили, что на Александровском вокзале имеются итальянские ружья, при чем начальник милиции скрылся и винтовки можно было забрать беспрепятственно. Мы поспешили воспользоваться этим случаем и захватили там 100 винтовок и патронов к ним. Но, увы, при ближайшем осмотре они оказались без затворов.

Разведка наша состояла из женщин. Работала она очень хорошо. Женщин мы посылали во все уголки узнавать и подслушивать, что делается. Они нам приносили правильные све-

дения и хорошо выполняли все задания. Из них я помню тт. Известьеву, Соболеву, Берзину, Казакову. Большая часть их была работницами фабрик Габай, Ралле и обмундировочных мастерских.

Связь наша с центром и другими районами также была возложена на женщин, на более опытных и развитых. Телефонная связь была, но на нее положиться нельзя было, так как было очень много провокационных вызовов и неправильных сообщений. Живая же связь была не совсем удовлетворительна, так как, во-первых, она была недостаточно быстра и, во-вторых, не совсем точна.

К нам все время доносилась пулеметная и ружейная стрельба. Но непосредственно в районе боя не было. Все же мы находились под постоянной угрозой и были все время настороже, так как хотя рабочих было и много, но они были недостаточно вооружены. А между тем мы были окружены враждебными нам элементами: студенты Сельскохозяйственной академии, офицерский госпиталь, затем на ст. Лихоборы прибыла какая-то военная часть, которая держала связь с Сельскохозяйственной академией. На Ходынке стояла артиллерийская часть, которая не вмешивалась в сражение и заявляла себя нейтральной. Мы с ней поддерживали связь, но полной уверенности в том, что они к нам присоединятся, у нас не было.

Самые томительные и нервные часы для нас были в третью ночь сражения. Наша разведка принесла нам сообщение, что юнкера берут верх и наши отряды Красной гвардии отступают. Мы отправили несколько товарищей на грузовике в центр (на Сретенку) с лучшим оружием для подкрепления; сами же мы остались только с холодным оружием и несколькими револьверами. Мы усилили наши патрули. На более опасных местах в эту ночь поставили посты с шашками и револьверами. Под утро мы получили сообщение, что юнкера пробрались через Пресню на Ходынку к артиллерийскому парку, зарубили двух часовых и увезли два шестидюймовых орудия. Это сообщение нас очень встревожило, так как это указывало на связь юнкеров с артиллеристами. Однако через некоторое время наша связь нам принесла другое сообщение, что один из часовых был только ранен, при чем ему удалось своевременно поднять тревогу и артиллеристы догнали юнкеров и казаков на Горбатом мосту и отбили у них орудия. Казаки и юнкера разбежались. Тут мы сразу воспрянули духом, и действительно, к обеду мы вернули артиллерию на нашу сторону.

После сообщения о том, что контрреволюционное студенчество поддерживает связь с какой-то воинской частью, прибывшей по петроградской железной дороге и находящейся неизвестно где, перед нами встала задача немедленного разоружения студентов. Эта задача революционным комитетом была возложена на меня.

Я собрал все вооруженные силы и отправился к 74-й тульской дружине с просьбой помочь нам. Когда дружинники узнали, что на нашей стороне артиллерия, то они без всяких колебаний согласились нас поддержать. Это было для нас большой поддержкой. Начальник этой дружины (фамилию его не помню) оказал мне большую помощь. Совместно с ним был выработан план действия так, чтобы разоружить студентов, не вызывая жертв ни с той, ни с другой стороны. Мы подошли к Сельскохозяйственной академии, окружили ее со всех сторон и не пропускали оттуда ни одного человека. Я взял с собой человек пять хорошо вооруженных товарищей и направился на переговоры со студентами. Из переговоров с ними стало ясно, что они крайне враждебно к нам относятся. Что же касается оружия, то у них, повидимому, не было его, ибо в противном случае они бы нас не допустили. Я им заявил, что мы шутить с ними не намерены, что они окружены нами, и если бы вздумали сопротивляться, то мы направим на них артиллерию и разгромим. После этого мы предложили им сдать оружие. Они сознались, что у них есть всего 11 винтовок, которые им нужны для охраны академии. При обыске нами было обнаружено 11 винтовок и 6 револьверов. На общем собрании студентов по поводу наших требований они постановили дать нам обязательство о невмешательстве, а также заявили, что имели связь с ударным батальоном, от которого приходили к ним два раза и предлагали поддержать юнкеров, но они отказались. Местопребывание этого батальона они заявили, что не знают. Однако представители этого батальона продолжали появляться в Сельскохозяйственной академии. Медлить было нельзя. Нужно было немедленно их отыскать и ликвидировать эту угрозу.

Я собрал всех вооруженных в районе людей и опять обратился к дружине с просьбой присоединиться к нам для розыска белых и их ликвидации. Но на этот раз дружинники отказались, заявив, что они боятся солдат ударного батальона, которые слишком хорошо вооружены и могут их перестрелять, как куропаток. Однако после долгих разговоров они согласились нам притти на помощь только тогда, когда у нас завяжется бой с ударниками, а пока они будут резервом.

Мой отряд Красной гвардии направился немедленно в разведку по всем поселкам, примыкающим к Разумовскому, и во все дачные кварталы. Через некоторое время разведка вернулась, при чем нигде частей ударного батальона ею обнаружено не было. Тогда я сам отправился с несколькими вооруженными товарищами и одной женщиной в отдаленное место по направлению к петроградской (Николаевской) железной дороге.

Одна группа вместе со мной направилась в сторону железной дороги, а другая — в Лихоборы. Не доходя с четверть версты до железнодорожной станции, мы заметили солдат,

Штаб юнкеров в Кремле (Николаевский дворец), разгромленный нашей артиллерией

перебегающих из леса через полотно железной дороги в низину. Не было сомнения, что это и есть те самые ударники, которых мы ищем. Мы остановились и обстреляли то место, в котором заметили солдат, предполагая, что они не замедлят нам ответить тем же. На наши выстрелы к нам пришла вторая группа товарищей, как мы условились. Однако солдаты нам не отвечали.

Мы двинулись дальше к тому месту, где видели солдат, при чем станция осталась справа от нас, а мы отправились к запасной ветке, где стояли пустые вагоны. Осмотрев местность и не обнаружив там батальона, мы отправились обратно по пути к станции. Мы шли спокойно, ничего не подозревая. Как только мы поднялись на платформу, мы наткнулись на офицеров, которые шли к нам навстречу, вооруженные револьверами.

Мы поняли, что они не одни и уйти нам от них не удастся. Обсуждать, разговаривать нет возможности, надо было действовать. Товарищей своих я предупредил только в нескольких словах: «Исполняйте все, что я скажу, жизнь нужно отдать как можно дороже».

Внешне мы сохраняли полное спокойствие. С нами были

тогда товарищи: два брата Исаевы, Веселов В., остальных не помню. Поровнявшись с офицерами, я их спросил, из ударного ли они батальона и не могу ли я видеть их начальника. Они в свою очередь спросили, кто мы такие. Я ответил, что мы посланы штабом Красной гвардии и революционным комитетом для переговоров с ними. Тогда офицеры сказали, что их командир находится на станции, и повели нас с собой. Перед входом в станцию я оставил трех товарищей на платформе, а остальные вместе со мной вошли в станционное помещение. Вся станция была набита солдатами, ружья их были составлены в углу.

Меня подвели к одному молодому человеку с двумя георгиевскими крестами и еще несколькими другими медалями и крестами, с красным, боевым темляком на шапке. Этот капитан и был командиром батальона. Я ему заявил, что я являюсь уполномоченным революционного комитета для переговоров с ними относительно сдачи оружия, при чем во избежание жертв предлагаю это сделать немедленно без всяких осложнений. В противном случае может произойти кровопролитие, так как они окружены революционными солдатами и рабочими, которые сумеют взять их силой. Тем временем солдаты ударного батальона приблизились к нам для того, чтобы услышать подробно мой разговор с командиром. Винтовки, составленные в углу, остались без охраны. В ответ на мои слова офицер рассмеялся и резко ответил, что сдаваться не собирается и никакого ревкома не знает и не подчинится ему. Я понял, что надо действовать решительно, ибо разговорами тут ничего не добьешься. Я выхватил револьвер, направил его в грудь офицера и крикнул своим товарищам: «Захватите винтовки». Товарищи только этого и ждали. Подбежали к винтовкам, взяли ружья наперевес и дула направили в группу солдат и офицеров. Я скомандовал «не шевелиться», под угрозой — каждого, кто двинется, перестрелять.

Неожиданность такой тактики застала их врасплох, и, несмотря на то, что были боевые офицеры, все они замерли и не шевелились. Я приступил к отбору оружия от офицеров. Затем я вышел на платформу, где стояли остальные наши три товарища, взял одного в помещение, поставил у двери, приказал ему никого не выпускать оттуда. Двоих же я оставил на платформе, приказав им внимательно следить за всеми прохожими и в случае обнаружения новой группы ударников стрелять в них. Это услышал начальник станции, который и сказал мне: «Что вы делаете, ведь они вас изрежут, как щенят». Я крикнул начальнику станции, чтобы он подошел ко мне, но он испугался и заперся в своей квартире. Возиться с ним у меня не было времени. Я сказал одному из товарищей, чтобы он следил за дверью и в случае, если кто-нибудь выйдет, стрелял. Приказ был отдан громким голосом, чтобы слышал начальник станции.

Затем я надел на карабин свою шапку и несколько раз помахал ею над головой, якобы призывая к себе на помощь отряд, который находится поблизости. Однако ко мне подошла только одна женщина, которую мы оставили на условленном месте. Я ее послал немедленно к дружине и сказал, чтобы она как можно скорее вела их сюда, сказав им, что ударный батальон разоружен и нужна только охрана для того, чтобы свезти оружие. Просил ее торопиться, так как оставаться долго в таком положении было нельзя.

Дружина находилась от нас на расстоянии двух с лишним верст, и т. Известьева пустилась туда бегом. Я же вошел обратно в станцию и сказал, что придется подождать, пока придут товарищи, которые расположились поблизости, и мы двинемся в штаб. Встревоженные солдаты все время спрашивали, что с ними будет. Я им ответил, что их отпустим, так как они сдались без сопротивления. Я не хотел их раздражать, так как знал, что помощь к нам придет не скоро, и опасался, что может случиться что-нибудь недоброе. Я выходил несколько раз на станцию, но все никого не было видно. Наконец я увидел всадника. Я подбежал к нему, при чем он оказался из нашего штаба. Я ему объяснил кратко, в чем дело, и направил его к дружине, а сам остался, с нетерпением ожидая помощи.

В таком томительном состоянии нам пришлось пробыть часа два. Через два часа пришла т. Известьева и привела с собой 8 вооруженных рабочих. Что же касается дружинников, то они не поверили рассказу Известьевой об аресте ударников, были уверены в том, что ударники перережут всю нашу охрану, и направились в обход. С прибытием 8 рабочих и т. Известьевой нас уже стало 16 человек. Я решил с этим конвоем вести ударников в штаб. Их было 40 рядовых и 8 офицеров. Но тут я встретился с очень большими затруднениями. Довести ударников до штаба с таким конвоем можно, но что делать о оружием? А его было 40 винтовок, 8 револьверов и шашки. Дожидаться еще, когда подойдут дружинники, было неразумно, так как дело шло к вечеру, начинало темнеть. Оставить винтовки на станции нельзя было, взять с собой — невозможно, так как приходилось на каждого конвойного по 3 винтовки. Но думать было некогда, надо было двигаться. Я вывел ударников, построил по четыре, поставил конвой, роздал каждому конвойному по три винтовки, и мы двинулись.

Ударники шли молча, только друг на друга посматривали. И командир всю дорогу шел и ныл, что у него отняли шашку, которая была ему подарена за отличие на войне.

Так мы прошли полверсты. Тут навстречу нам показались дружинники, которые залегли в канаве. Но как только они увидели, что мы ведем ударников арестованными, они вышли к нам навстречу. С приходом дружинников всякая опасность

для нас миновала. Мы всех пленных благополучно доставили в распоряжение революционного комитета и таким образом ликвидировали последнюю угрозу в нашем районе».

Здесь еще необходимо добавить, что Бутырский район находится как раз на пути к Серебряному бору, куда общеармейским комитетом, как мной указывалось, было направлено для противника несколько эшелонов оружия. Ударники, узнав об этом, по всей вероятности, выслали туда разведку, которая и похитила отбитые обратно шестидюймовые орудия, как пишет т. Качалин. Случай перехвата ударников свидетельствует о том, что противник знал о «засланном» оружии и стремился овладеть им.

Красная гвардия и революционные солдаты, действовавшие в центре. самостоятельно устраивали баррикады и занимали все стратегические пункты.

В Замоскворецком районе в то же время происходило следующее. Имея в виду, что линией нашего наступления была Москва-река и что с этого места было особенно удобно бомбардировать Кремль, мы установили свои батареи на набережной, в Замоскворецком районе, против Кремля. Это были сорокадвухлинейные, сорокавосьмилинейные и трехдюймовые пушки. Переверзев и Блохин подтянули в Замоскворецкий район и на Воробьевы горы также и тяжелую шестидюймовую артиллерию, чтобы обстрелять Кремль. Против Кремля первыми начали действовать батареи Замоскворецкого района.

Почти в то же время из Хамовнического района также производился обстрел Кремля. Части Лефортовского района, уже победившие противника в своем районе, разделились: одна часть пошла на Алексеевское училище, а другая двинулась в центр, на Лубянскую площадь, и соединилась с частями Красной гвардии для наступления на Кремль. На местах, в более отдаленных районах, штабы Красной гвардии проявили себя не менее энергично и руководили действиями, вполне сообразуясь с новыми обстоятельствами. Так, например, Мытищинский штаб Красной гвардии извещает Мызо-Раевский военно-революционный комитет о более быстрых действиях для лучшего удара по противнику.

Вот несколько эпизодов из боевой обстановки до заключения первого перемирия 29 октября. Эти эпизоды если не полностью, то все-таки в достаточной мере рисуют ту обстановку, которая сложилась перед заключением перемирия. Отсюда видно, что, во-первых, в боях несомненный перевес был на нашей стороне, во-вторых, белую гвардию и юнкеров мы теснили и окружали, в-третьих, все попытки белых прислать пополнение терпели неудачу.

Таким образом противник вынужден был прибегнуть к передышке и подтягиванию боевой силы и оружия извне.

Посредством соглашательства контрреволюционного Викжеля белые закинули удочку — предложили ВРК заключить перемирие, чтобы таким путем отвлечь от себя удары Красной гвардии и привести свои уже значительно потрепанные силы в порядок.

VII

Перемирие 30 октября

Днем 29 октября уже пошли слухи, что ночью будет заключено перемирие.

В эти дни — 28 и особенно 20 октября — бои были очень ожесточенными. Противник держался чрезвычайно стойко. 29-го числа, особенно в центре, противник, видимо, не сдавался, о капитуляции белогвардейцы пока не думали. И против всякого ожидания мы вдруг получаем предложение о перемирии, несмотря на то, что ни та, ни другая сторона не была сломлена.

Перемирие было заключено. Как впоследствии оказалось, к этому побудили белых наши успехи. В наших руках находились все военные огнесклады и арсеналы, за исключением кремлевского и Александровского военного училища, которые оставались в руках противника. Нами был захвачен также весь транспорт. Мы лишили противника возможности передвижения и снабжения своих частей боевыми припасами. Боевых снарядов, патронов и ручных гранат у противника было чрезвычайно большое количество, но к этим запасам, находящимся в районе указанных мною трех колец, мы своим энергичным натиском из районов преградили путь. Таким образом противник остался без боевых припасов, и по этой и другим причинам 29 октября он предложил нам перемирие.

Контрреволюционеры надеялись выиграть время в ожидании подкреплений. С юга к ним шли казачьи полки, а по Брянской дороге — контрреволюционные ударные части. При таких обстоятельствах заключение перемирия для белогвардейцев было безусловно выгодно.

У противника к этому времени истощились все боевые припасы, и пополнить их в достаточном количестве он не имел возможности из-за указанной мною выше стратегической обстановки.

Изданный Рябцевым приказ о прекращении боевых действий гласил:

> «Кому . . . Начальнику всех боевых участков. 1917 г. 29 окт. 18 час. 20 мин. № 2. Место отправления...
>
> С кем отправлено...
>
> Приказываю немедленно прекратить стрельбу. Противная сторона издает одновременно такой же приказ. Представители железнодорож-

ного союза наблюдают за немедленным вслед за этим установлением нейтральной зоны. К 19 часам 30 минутам в центре должна быть прекращена всякая стрельба безусловно и категорически. Всем начальникам лично наблюсти за этим.

Командующий войсками полковник РЯБЦЕВ» [1]

Военно-революционный комитет также разослал по районам и боевым частям приказ:

«Всероссийский железнодорожный союз предложил Военно-революционному комитету посредничество в переговорах с противной стороной.

Согласившись на ведение переговоров, Военно-революционный комитет об'являет перемирие до 12 часов ночи 30 октября с. г., в течение этого времени будут вестись переговоры.

Военно-революционный комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу.

За председателя А. ВЕДЕРНИКОВ
Г. УСИЕВИЧ
Секретарь КУШНЕР
А. РОЗЕНГОЛЬЦ» [2]

Этот приказ, попадая в районы, дополняется распоряжениями районных военно-революционных комитетов. В Замоскворецком районе к нему при опубликовании было добавлено:

«Замоскворецкий военно-революционный комитет, передавая этот приказ к исполнению, приказывает в свою очередь сохранить полную боевую готовность и закрепляться в занимаемых позициях» [3].

Большинство районов, где отдельные части Красной гвардии уже одержали несколько побед, не хотело мириться с заключением перемирия, так как видело, что отсрочка нашего решительного наступления была наруку противнику. Наши боевые силы овладели положением и чувствовали свое превосходство над противником.

Причины, по которым противник предложил перемирие, скоро выявились. Во время перемирия противник получил возможность подвести отрезанные нашими частями боевые припасы и сконцентрировать их на своих стратегических пунктах. Уже утром на другой день стали поступать сведения о нарушении условий перемирия. Через несколько часов после начала перемирия прибыл на Брянский вокзал первый отряд ударников. Юнкера тотчас же осмелели и произвели нападение у Никитских ворот. В это время, согласно условиям перемирия, юнкера считали, что район их господства в центре Москвы определяется следующими границами:

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 24.
[2] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.
[3] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/5, стр. 9.

Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуэктов переулок, Пречистенка, Мертвый переулок, Староконюшенный, Кривоникольский, Б. Молчановка, проход через церковный двор и переулок, Хлебный переулок, Никитский бульвар, Калашный переулок, Ср. и Б. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, Охотный ряд, проспект Театральной площади и гостиницы Тестова, сквер у кремлевской стены, проезд у «Метрополя», Третьяковский проезд.

Между прочим в это же время юнкера сделали попытку по подложному ордеру получить патроны из Симоновского огнесклада, находившегося в наших руках. Для этого группа юнкеров, переодевшись рабочими, на грузовиках подъехала к Симоновскому складу. Случайно обман их был раскрыт, и красногвардейцы потребовали от Замоскворецкого военно-революционного комитета расстрела юнкеров, так как по законам военного времени шпионы караются смертной казнью, а действия юнкеров являлись шпионскими. Но председатель Замоскворецкого военно-революционного комитета т. Штернберг не допустил расстрела юнкеров, категорически заявив, что юнкера будут преданы суду по обвинению в мошенничестве и подлоге.

30 октября, после перемирия, Замоскворецкий военно-революционный комитет рассылает по району обращение:

> «Товарищи, перемирие закончено. Начались военные действия. Отныне никаких уступок, никаких колебаний. Враг должен быть сломлен, должен быть побежден. Буржуазия все усилия употребит на то, чтобы не уступить свою власть классам, которые ей ненавистны. Немедленно должны быть начаты наступательные действия. Вперед за свободу, за землю, за народную власть!»[1]

Снова начались жестокие бои с обеих сторон. Силы Красной гвардии возросли приблизительно до 100 тысяч человек, включая все революционные части гарнизона. Наши силы увеличивались с каждым днем, так что в конце восстания, 28 ноября, насчитывалось около 200 тысяч человек.

Наступил огромный подъем революционного энтузиазма, который захватил и пассивно относившихся до этого времени солдат старой армии и всех остальных рабочих, не примкнувших вначале к решительной вооруженной борьбе. Этот подъем привел к окончательной победе.

Перемирие 30 октября надо считать крупнейшей ошибкой ЦВРК во время октябрьских боев. Об этом свидетельствуют вышеприведенные факты и документы. Перемирие дало возможность противнику значительно укрепиться, выиграть время для переброски контрреволюционных частей на помощь белогвардейцам и перейти к решительному наступлению против революционных рабочих и солдат, что выявилось сейчас же после перемирия.

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/4.

VIII

После перемирия

Второй период октябрьских боев — это период с 30 октября по 2 ноября.

После перемирия 30 октября, когда выявилась нерешительная политика ВРК, попавшего на удочку Викжеля, когда юнкера, подтянув свои силы, стали выбивать нас почти из всех занятых нами позиций, в ВРК происходит паника и рассылаются приказы о немедленном стягивании всех революционных частей в центр.

Когда ЦВРК после многократных приказов о высылке частей из районов в центр увидел, что без боя в центр невозможно прорваться, а противник все более и более подкрепляет свои силы приезжающими контрреволюционными частями, тогда ЦВРК решил эвакуироваться в помещение городского районного ВРК, в трактир Полякова на Сухаревской площади. Из воспоминаний, которыми мы спустя несколько лет после октябрьских боев обменялись с тт. Игнатовым и Пилатской, делегированными в свое время от ЦВРК в Городской район с целью подготовить помещения для ЦВРК, удалось установить, что ЦВРК действительно собирался уйти из центра.

Причина того, по воспоминаниям этих товарищей, заключалась будто бы в том, что центр находился под угрозой захвата наступавшими юнкерами и прочей белой гвардией. По этому вопросу в ЦВРК было заседание, на котором только один т. Усиевич, представитель Центрального штаба Красной гвардии, стоял за то, чтобы вести решительную борьбу и ни под каким видом не эвакуироваться. Военно-революционный комитет Городского района и его штаб Красной гвардии решительно осудили эту политику ЦВРК. Они отказали ЦВРК в этом помещении, а члены их тт. Варенцова, Петров, Скрамо, Морозов и другие ответили приблизительно так: «Если вы еще попытаетесь заговорить о такой нелепости, мы вас разгоним». После этого ЦВРК отказался от эвакуации и начал осуществлять руководство. Решающее значение в этом оказал напор революционных масс.

Таким образом все время получалась следующая картина. Военно-революционный комитет разбился на две части: меньшая часть ЦВРК во главе с тт. Усиевичем, Ведерниковым и др. была за восстание, а другая часть во главе с Мураловым была за коали-

цию — за оттяжку военных действий и улаживание восстания мирным путем, т. е. соглашалась поделиться властью с Рябцевым и Рудневым.

А штаб Красной гвардии по предложению Московского комитета партии большевиков распределил свои силы по районам, чтобы руководить выступлением масс. Следовательно, руководители Красной гвардии, следуя прямым директивам партии, поднимают районы на восстание, руководят им и наступают на противника, а в ЦВРК возникают разногласия, в силу этого массы теряют доверие к руководящей верхушке ЦВРК. Этим и объясняется паника ВРК под напором противника после перемирия 29 октября.

К моменту попыток эвакуации ЦВРК обстановка сложилась таким образом, что Муралов и его группа, все время саботировавшая партийные директивы о руководстве вооруженным восстанием, в условиях революционного подъема масс оказалась изолированной. Все руководство вооруженным восстанием и действиями красногвардейских частей было фактически сосредоточено в руках большевистской части ЦВРК и Центрального штаба Красной гвардии, неуклонно руководствовавшихся в деле организации и проведения восстания директивами партийной организации.

Центральным штабом Красной гвардии была установлена связь с савеловским гарнизоном и условлено, что после переворота у себя они выедут на помощь Москве. 31 октября, стягивая боевые силы в центр, ВРК шлет приказ[1] савеловскому гарнизону:

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СОВЕТА СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ САВЕЛОВСКОГО ГАРНИЗОНА.

Московский военно-революционный комитет приказывает во имя спасения революции во что бы то ни стало прислать три броневых машины. Викжель уже нарушил нейтралитет, пропустив в Москву контрреволюционных ударников, сражающихся уже в рядах наших противников.

Член Военно-револ. комитета (подпись)

За секретаря (подпись)

Вместо присылки броневиков савеловский гарнизон сообщил, что он намерен сам выехать в Москву. ВРК, отвечая на это, посылает приказ за № 61 от 31 октября:

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ САВЕЛОВСКОГО ГАРНИЗОНА

Военно-революционный комитет советов рабочих и солдатских депутатов одобряет ваш план наступления на Москву и предлагает следующий маршрут: по направлению — Триумфально-Садовая, Скобелевская пл., где прибыть в революционный штаб. Дальнейшие указания будут сделаны лично.

За члена Военно-революционного комитета (подпись)

За секретаря (подпись)

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

31 октября собрание главных мастерских службы телеграфа вынесло резолюцию:

«1) Товарищи железнодорожники, забудьте в настоящий момент все партийные раздоры; весь трудящийся класс без исключения должен поддержать борющиеся за освобождение трудящиеся массы.

В настоящий серьезный момент должны быть две группы — группа трудящихся и группа эксплоататоров, живущих нашим трудом и идущих во всем против нас.

2) Наша поддержка должна заключаться в том, чтобы каждый мастеровой и рабочий при мастерских всецело поддерживал революционный комитет при передвижении войск, амуниции, провианта и т. д. и противодействовать нашим врагам-угнетателям из Временного правительства и поставить на вид Викжелю о необходимости присоединиться к нам.

Товарищей железнодорожников других служб просим пойти с нами рука об руку.

Председатель МЕЗЖИЛ
Секретарь КРОХИН[1]»

В то же время получается резолюция собрания представителей местного районного и главного комитетов и революционного железнодорожного бюро.

«Принимая во внимание, что позиция железнодорожников остается нейтральной, что в настоящее время спокойная и напряженная работа железных дорог как артерий, питающих страну, является более, чем когда-либо, необходимой и что такая работа при условии занятия станции вооруженными силами одной из борющихся сторон немыслима, не считая себя в праве подвергнуть опасности 8 000 железнодорожных тружеников, работающих на станции, которая в каждый момент может стать ареной военных действий, после всестороннего обсуждения вопроса о занятии ст. Москвы М.-К. ж. д. в 10 часов вечера 30 октября ротой 193-го полка, постановляем напомнить Военно-революционному комитету о нейтральности железных дорог, просить его не нарушать этого нейтралитета и вывести с территории станции роты 193-го полка».

На подлиннике этого документа имеется следующая приписка:

«По поводу сего отношения сделано распоряжение остаться на месте, занимаемом отрядом нашего полка, до особого распоряжения на это революционного комитета.

Председатель (подпись)
С подлинным верно: секретарь ТАНДЕТНИКОВ

Печать 193-го пехотного запасного полка.

Полковой комитет»[2]

[1] Из документов ВРК, Центрархив.
[2] Из документов ВРК, Центрархив.

Положение 193-го полка Дубровин в своих воспоминаниях описывает таким образом:

«Когда мы стояли на Ходынском поле, за несколько месяцев до Октябрьской революции, предполагалось наш полк расформировать. Был отдан уже приказ командующего Московским военным округом в десятидневный срок расформировать этот полк. Это было перед самыми октябрьскими событиями. Нужно было распределить солдат и офицеров, обоз и т. д.

Несмотря на то, что в 193-м полку фракция была очень незначительная, все же добились своего. Возглавляли фракцию тт. Померанцев и Малиновский. Мы собрались на общее собрание и решили на нем поставить вопрос ребром. Хотя приказ не был объявлен по полку, но мы все о нем знали, и решено было запросить командующего войсками о причине расформирования полка.

Однако Рябцев не мог дать никакого объяснения. Наши делегаты вернулись ни с чем. Тогда мы постановили ни в коем случае не расформировываться, хотя бы пришлось защищаться с оружием в руках. Мы послали запросы во все части московского гарнизона, как они смотрят на это дело, не будут ли они против и не примут ли мер с оружием в руках против нас. Но весь гарнизон был единодушен, и мы были убеждены, что расформировать нас не удастся. После этого в 2 часа ночи нам пришлось уже войти в Кремль вместе с 56-м полком. Это было нашим первым шагом в революционной борьбе» [1].

В период от 29 октября до 2 ноября было окончательно ликвидировано сопротивление юнкеров Алексеевского училища, где было захвачено большое количество вооружения: около 15 тысяч винтовок, свыше 50 пулеметов, бомбометы, ручные гранаты и патроны. Нами были заняты также Крутицкие и Александровские казармы в Замоскворецком районе.

После этого мы все силы направили в центр. Мы заняли Лубянскую площадь и дали жестокий бой у Ильинских ворот. Здесь несколько человек красногвардейцев под ураганным огнем с обеих сторон подползли с ручными гранатами и сшибли неприятельские пулеметы. Эту операцию выполнила латышская группа, сформированная на Покровке, 41.

Прорвав кольцо противника у Ильинских ворот, мы открыли путь на Красную площадь. Несмотря на ураганный огонь с Ильинки, наши части с разных сторон окружили противника и ручными гранатами сбили его последние гнезда, повернув немедленно захваченные у противника пулеметы против него же, создавая панику среди юнкеров не только в этом районе, но и у Никольских и Варварских ворот.

[1] Из стенограммы речи т. Дубровина на Мызо-Раевском складе от 14 августа 1921 г.

До сих пор китайгородская стена служила для юнкеров сильнейшей крепостью не только против наших пулеметов, но и против нашей артиллерии. Мы собрались было уже взорвать стену динамитом и пироксилиновыми шашками, но лихой удар красногвардейских отрядов и революционных воинских частей почти одновременно во все ворота сломил сопротивление белогвардейцев в наиболее сильно укрепленном районе, где почти каждый дом и церковные башни, которые использовались противником, приходилось брать с боя. Таким путем со стороны Лубянской площади мы пробивались на Красную площадь.

С Замоскворецкой стороны, по Остоженке и по Кремлевской набережной действовали таким же путем наши силы во главе с тт. Добрыниным, Стрелковым, Штернбергом, руководителем артиллерии Гопиусом[1], Артунянцем и Мышкиным. Части Краснопресненского района под командой тт. Меркулова и Златоверова наступали на Александровское военное училище; все время держа под обстрелом артиллерии и пулеметов штабы противника, находящиеся — один в Александровском военном училище, а другой — у Никитских ворот. Эти два штаба были почти неприступными крепостями.

Части Бутырского района под командованием начальника Красной гвардии района (он же секретарь райкома большевиков) т. Квесис двигались по направлению к Садово-Триумфальной на соединение с Краснопресненским и Городским районами. Таким путем изнутри и извне (из районов) мы давили на кольцо (укрепленные позиции противника) и смяли их.

В эти дни начинают подтягиваться подкрепления из провинции. Например, из Иваново-Вознесенска прибыл отряд под командой т. Фрунзе, очень стойко сражавшийся в районе Лубянской площади. Прибыли также отряды из Владимирского порохового завода, где раньше была установлена связь для получения огнеприпасов из Твери, под командой руководителей боевиков 1905 г. т. Пастухова и других, из Люберецкого завода, Коломенского и др. Орехово-Зуевский отряд двигался по Покровке, Подольский отряд в количестве 300 человек, под руководством старых опытных боевиков, т. Бергмана и других, участвовал в боях уже с 26 октября. Накануне взятия Кремля прибыл также довольно сильный смешанный отряд матросов и красногвардейцев из Питера, посланный т. Лениным. Этот отряд немедленно занял Тверскую улицу, а также сменял очень сильно уставшие части после непрерывного шестидневного боя в этом районе и быстро подвигался к «Метрополю» и думе.

Контрреволюционные части под руководством ставки, общеар-

---

[1] Тов. Гопиус — инженер-химик, старый революционер, участник восстания 1905 г. Довольно хорошо знал Москву, участвовал в разработке стратегического плана в МК. Инструктор Красной гвардии по пиротехнике. Под его руководством начинялись наши гранаты, производились опыты. У него была лаборатория взрывчатых веществ, которую он скрывал в союзе химиков, где работал в правлении. Умер в 1920 г.

мейского комитета представителей ЦК эсеров и меньшевиков к этому времени также стягивают подкрепление извне.

29 октября, когда начались указанные переговоры с казаками, я немедленно отправился на Ходынку за артиллерией для предотвращения всяких могущих возникнуть случайностей.

В то же время было дано задание т. Блохину держать под артиллерийским наблюдением казачьи части. Тов. Блохин подтянул взвод шестидюймовок на Калужскую площадь, а Переверзев поехал с батареей на Воробьевы горы. Я вернулся с Ходынки с артиллерией, часть которой расставил на Калужской площади, а другую часть направил на позиции против Кремля. Казачьи части находились от Калужской площади верстах в восьми-десяти, на заводе Катуар. Казаки потребовали, чтобы мы их пропустили в Кремль. Когда мы в этом им отказали, они, вернувшись обратно, двумя сотнями в темную ночь пытались пробраться по Садовнической улице в центр. Нам это стало известно, и мы сознательно припрятали свои заставы, пропустив их на Садовническую улицу. Затем мы закрыли заставу и с двух концов улицы и перекрестков открыли по ним огонь. Среди них получилась неописуемая каша, и через несколько минут, почувствовав нашу силу и увидев, что мы расставляем против них артиллерию, все они сдались в плен. В результате мы получили 200 лошадей, винтовки, шашки и пики и немедленно использовали их для укрепления нашей конной разведки. Таким образом одна из опасностей была предотвращена.

В Дорогомиловском районе также появились войсковые части, которые разгромили штаб Красной гвардии, убили лучших руководителей ее и пытались продвинуться через Дорогомиловский мост, на котором завязалась отчаянная борьба. Но с прибытием частей хамовнической Красной гвардии и других ближних районов победа осталась за нами.

Белогвардейцы пытались также захватить Симоновский пороховой завод и пробраться в центр, но завод АМО при участии тт. Лидак, Гончарова и других представителей Замоскворецкого районного штаба Красной гвардии предотвратил эту опасность, надвигавшуюся на наш важнейший стратегический пункт — базу нашего вооружения. Попытка продвинуться на Хамовнический район и на снарядный завод Гужона была также ликвидирована Красной гвардией под командой тт. Лысева, Ярочина и др.

Даже 5 ноября прибыли задержавшиеся в пути стягиваемые Рябцевым воинские части, но было уже поздно: победа была за нами.

К вечеру 1 ноября ликвидируется противник в районе Никитских ворот.

В то же время районы, развивая свою инициативу, запрашивают ВРК о предполагаемых им мероприятиях и вносят свои предложения.

Из Хамовнического района сообщают:

«Сегодня утром начали наступление широким фронтом: через Плющиху и прилегающие переулки, по Смоленскому бульвару и Левшинскому пер. Орудийный обстрел 5-й школы прапорщиков на Смоленском рынке стал давать хорошие результаты; наступление по Левшинскому пер. замедлилось из-за пулеметов. Неожиданное появление на Смоленском рынке броневика нарушило операции, в результате принуждены снять силы со Смоленского рынка и бульвара и Плющихи, перевести штаб совета в Хамовническую часть 1-го комиссариата. Линия обороны будет: конец Плющихи, Неопалимовский пер., часть Смоленского бульвара, от Неопалимовского до Зубова, Зубовский бульвар, Пречистенка до каланчи, Остоженка до середины. Завтра, по просьбе Пресненского района в исполнение вашего приказа № 194, будем обстреливать Александровское училище, надеемся пристреляться лучше, чем к штабу. Нужны пулеметы, броневики, самокатчики для связи, провода для полевого телефона; если возможно, доставьте также 1 грузовой и 1 легковой автомобиль (свои все неисправны). 10. 15 веч. 1/XI 1917 г.

Комиссар (подпись)» [1]

Мы разбили «кольца» противника на отдельные самостоятельные «островки»—крупнейшие дома, которые обратились в крепость. В этих домах забаррикадировались юнкера и офицерство и все время отстреливались из пулеметов, винтовок, револьверов и местами из траншейных орудий и отбивались главным образом ручными гранатами. Таких «крепостей» было много, и нужны были большие усилия, чтобы выбивать оттуда противника. Местами приходилось прибегать к артиллерии и ручным гранатам. Сломив указанные крепости, к 1 ноября мы приближались к Кремлю.

К тому времени противник уже видел, что силы его окончательно сломлены.

Городская дума, где находился политический и военный штаб белых, нами была взята. Штаб белых пытался переехать из Александровского военного училища в район Никитских ворот, но оттуда под перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем Красной гвардии и солдат мы его вытеснили. Всякое руководство и все связи противника были таким путем разрушены, и 2 ноября он предложил перемирие.

Надо отметить, что во всех этих операциях самое активное участие принимала рабочая молодежь. Молодые кадры революции оказались прямо незаменимыми в разведке, в несении службы связи.

В очень значительной части наших отрядов большинство составляла молодежь, героически дравшаяся за власть советов под большевистскими знаменами с юнкерами.

Известно, какое большое значение придавал т. Ленин молодежи в вооруженном восстании.

---

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/3.

В своем письме от 8 октября об организации восстания Владимир Ильич писал:

> «Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову. Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятий ими всех важнейших пунктов и для участия их везде и во всех важнейших операциях».

Рабочая молодежь с честью выполнила эти указания т. Ленина. Она была в первых рядах борющегося за власть пролетариата.

IX

Капитуляция белых и занятие Кремля

Почти вся московская артиллерия с самого начала боев находилась в руках ВРК, но он ее редко пускал в дело, боясь производить лишние разрушения в городе. Только после долгих колебаний, когда пришлось выбирать между жертвой людьми или жертвой кремлевскими зданиями, а также когда в ЦВРК стали поступать от районов категорические требования более решительных действий, артиллерия районов стала бить по Кремлю и юнкерским училищам, — только тогда ЦВРК разрешил обстрел Кремля из орудий.

Положение контрреволюционеров было уже безнадежно. Обстрел Кремля для белых явился только предлогом к тому, чтобы прикрыть свою капитуляцию. И вот 2 ноября председатель Комитета общественной безопасности В. Руднев обратился к Военно-революционному комитету с предложением сообщить условия для прекращения военных действий. Руднев мотивировал это обращение желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей».

Военно-революционный комитет предложение принял. Были выработаны условия, и того же 2 ноября, в 9 часов вечера, за подписью Усиевича был издан «Приказ всем войскам Военно-революционного комитета».

В приказе сказано:

> «Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой, рабоче-солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь).
>
> С прекращением военных действий войска советов остаются на

своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета».

«ПРИКАЗ
артиллерийскому отряду, действующему...

В виду того, что сейчас происходят переговоры о сдаче Комитета общественной безопасности Военно-революционному комитету, который устанавливает власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, штаб Военно-революционного комитета приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу впредь до особого распоряжения, ставляя в силе все остальные способы военной борьбы»[1].

Приказ ВРК о прекращении артиллерийского огня на Миусской площади заставил в этом районе дать еще не побежденному противнику возможность некоторой передышки, так как засевшего в неприступных особняках и крупнейших домах противника другим оружием взять было нельзя. Штыковая атака или штурм этих домов без артиллерии были совершенно немыслимы, и эта борьба могла длиться неделями. Между тем противник, пользуясь чиновничьим аппаратом Временного правительства, подтягивал все новые и новые контрреволюционные части.

Весть о договоре с юнкерами и приказ этот вызвали недовольство в рядах Красной гвардии. Для заключения перемирия, на места, в частности в Замоскворецкий район, приехала в 4 часа утра 2 ноября делегация от контрреволюционных войск во главе с Рудневым, в сопровождении представителей ЦВРК. Красная гвардия в районах с негодованием встретила эту делегацию. Красногвардейцы и революционные солдаты говорили примерно следующее:

— Вы нарушили перемирие, вы первые начали стрелять, не дождавшись конца перемирия, и изменническим образом выбрасывали свои белые флаги, расстреливая в то же время наших красногвардейцев и войсковые части. Вы хотите перемирия для того, чтобы окольными путями пробраться в наши огнесклады. С таким противником итти на какое-нибудь перемирие не можем. Мы требуем полной капитуляции, без всяких условий.

Красная гвардия и революционные солдаты даже и слышать не хотели о перемирии и говорили, что доведут бой до конца.

Видя такое настроение масс, т. Смидович предложил пишущему эти строки поехать в ЦВРК, где мне было предложено взять из Замоскворечья отряд Красной гвардии и революционных солдат, чтобы занять Кремль. По получении приказа я взял отряд из замоскворецких красногвардейцев, около 120 человек, и 50 человек из 55-го полка и рано утром 2 ноября двинулся с этим отрядом на Красную площадь, к Спасским воротам.

Ворота мы взломали. В это время с церковных колоколен Кремля, Красной площади и с крыш торговых рядов посыпался пулеметный огонь, к счастью, не рассчитанный верно и взятый

[1] Из документов ВРК, Центрархив, д. № 21/5.

выше цели. Я со своим отрядом прошел во двор под прикрытием кремлевской стены... И что мы увидели?! У самого входа в ворота была масса сломанных брошенных винтовок, шашек, кортиков, были разбросаны ручные гранаты и бомбы, пироксилиновые шашки и т. п., так что даже было трудно ступить, чтобы не попасть на бомбу или пироксилиновую шашку. Нам преграждали путь также большие куски кирпичных стен, оторванные от домов артиллерией, и кучи военных припасов. Нужно было итти с большой осторожностью, чтобы не попасть в волчьи ямы, может быть, заготовленные юнкерами. Лавируя под обстрелом, под прикрытием зданий Кремля, мы направились к Николаевскому дворцу. В это время к обстреливавшим нас присоединились скрытые в Николаевском дворце юнкера, несмотря на то, что они в переговорах с Военно-революционным комитетом заявляли о своей сдаче. Вдруг навстречу нам выбегают из часовни около сорока попов и монахов с иконами в руках, с криком: «Ратуйте, братцы! Не убивайте!» Я их заставил вернуться обратно вместе с их иконами и заявил им:

— Мы так предательски не поступаем, как вы. Мы не расправляемся с пленными. Передайте своим: раз они дали слово о том, что сдаются, то пусть они немедленно сдают оружие.

На это мы им дали пятиминутный срок. Через пять минут из Николаевского дворца и из других зданий высыпали офицеры, юнкера, студенты и пошли к нам навстречу. Многие из них падали в обморок тут же, на площади Кремля, а некоторые во главе с полковником Пекарским выходили без оружия, но имели при себе спрятанные ручные гранаты.

В это же время другим отрядом Красной гвардии под командой т. Петрова были освобождены арестованные революционные солдаты 56-го полка во главе с бывшим комендантом арсенала Кремля т. Берзиным. Освобожденные из тюрьмы вышли истерзанными и проголодавшимися. Около пяти дней их держали без продовольствия. Некоторые оказались больными после всего пережитого в плену у белых. Освобожденные солдаты тотчас, схватив брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника, который расстреливал их товарищей в Кремле, а также на юнкеров, державших в руках гранаты, и на месте их расстреляли.

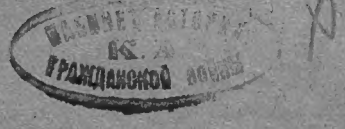
Постепенно мы занимали помещения, выгоняли оттуда на площадь оставшихся юнкеров и оцепляли их конвоем. Тов. Петров со своим отрядом красногвардейцев Городского района, вступивший в Кремль со стороны Троицких ворот и освободивший заключенных, соединился с нашими частями, со стороны Никольских ворот — тт. Сирота и Королев со своим отрядом красногвардейцев и военных частей. Арестованные юнкера были отправлены в тюрьмы под строгой охраной, так как возмущенные их жестокостью рабочие и красногвардейцы хотели расправиться с ними на месте.

Итак, победа была одержана.

Революционный пролетариат Москвы, возглавляемый ленинской большевистской партией, взял власть в свои руки.

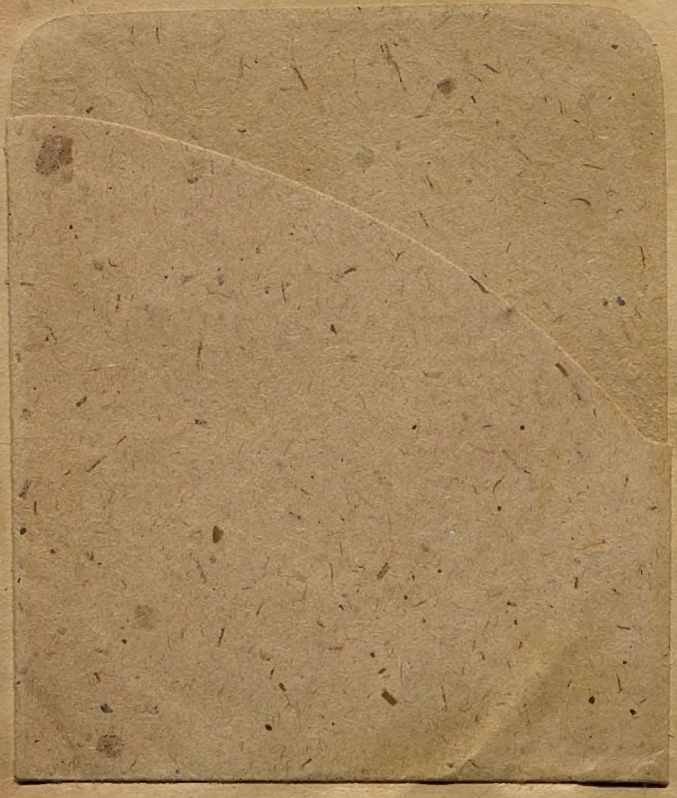
Оглавление

I	На подступах к Октябрю	3
II	Июльские дни в Москве	7
III	Накануне Октября	14
IV	Красная гвардия борется за власть советов	30
V	Борьба за Кремль	46
VI	Первый период боев до заключения перемирия	62
VII	Перемирие 30 октября	73
VIII	После перемирия	76
IX	Капитуляция белых и занятие Кремля	84



Редактор Александров. Техредактор М. Лойтерштейн. Обложка Н. Аввакумова. Сдано в производство 14/I—33 г. Подписано к печати 8/II—33 г. М. Г. 3542. Инд. Д—1. Формат 82×94 1/16 5 1/2 печ. л. 54 500 зн. в печ. л. Уполном. Главлита В 28 328. Тираж 20 300.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.



Цена 1 рубль

~~202~~ 172